

*Галина
Гончарова*

8

ДОРОГА КОРОЛЯ

Средневековая история

16+

Галина Дмитриевна Гончарова
Дорога короля
Серия «Средневековая
история», книга 8

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67713705

SelfPub; 2022

Аннотация

Отсутствие выбора – тоже выбор. Нет выбора у мятежников – они готовы драться до конца. Нет выбора у графини Иртон – она защищает себя и дочь. Нет выбора у графа Иртон – он должен выжить и найти свою семью в хаосе мятежа. Нет выбора у Альтреса Лорга – он обязан отомстить за брата и спасти то, что возможно... Нет выбора у Ричарда и Анжелины – любовь не щадит даже королей. Кто победит в смертельной игре и какую цену придется за это заплатить? Кости брошены.

Содержание

Пролог.	5
Глава 1.	14
Глава 2.	71
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Галина Гончарова

Дорога короля

*Неси это гордое Бремя —
Неблагодарный труд, —
Ах, слишком громкие речи
Усталость твою выдают!
Тем, что ты уже сделал
И сделать еще готов,
Молчащий народ измерит
Тебя и твоих Богов.
Неси это гордое Бремя —
От юности вдалеке
Забудешь о легкой славе,
Дешевом лавровом венке —
Теперь твою возмужалость
И непокорность судьбе
Оценит горький и трезвый
Суд равных тебе!*

Р. Киплинг.

«Бремя белого человека»

Пролог.

Телега, которую Лилиан успела уже несколько сотен тысяч раз весьма изобретательно проклясть, опять подскочила на кочке, и какой-то ссссучок так впился в бок, что женщина пожалела о своем похудении. Через толстый-толстый слой сала это бы хоть не так чувствовалось.

А больно!

Когда все кончится, она эту телегу лично разломает. Никому не доверит, поработает топором, потом сама соберет обломки и сожжет. И исполнит вокруг костра торжественный танец индейцев племени Сиу. Или Миу.

Да хоть бы и Мяу!

Но плясать она будет искренне и от радости.

Рядом застонала Милия, чуть слышно, и Лиля ободряюще сжала ее руку, намекая, что надо чуть-чуть потерпеть. Только продержаться...

А ведь так хорошо все начиналось!

Что плохого – съездить семейно в Уэльстер? За невестой его высочества?

Почти свадебное путешествие получилось, не считая разбойников, несчастных случаев, слишком наглых лэйров и прочих мелких пакостей. Зато Лиля нашла общий язык с мужем. Оказалось, что Джерисон вовсе даже не такой осел, как казалось. Или не осел, а более полезное в хозяйстве живот-

ное.

И что жену он любит и даже любовниц заводить отказывается.

Уж неясно, надолго ли такая благодать, но приятно!

Вот доехали они, а в Уэльстере, в Кардине, на балу, все и началось. Нет, ну кто мог ждать такой подлости? Господа заговорщики, все понятно, хотели вы государственный переворот учинить... сложно было подождать пару недель?

Мы бы уехать успели, и забыли б все, как приятный сон. А теперь вот бегай по Уэльстеру, спасая собственную шкурку!

Пришли на бал, понимаешь.

А ведь так все и было. Пришли Лиля с супругом на бал, Джерисона подпрягли развлекать ее высочество Марию, а Лилю Гардвейг к супруге направил, памятуя о ее лекарских навыках.

Ему помогли? Пусть и жене консультацию дадут.

Эх, вот и мир другой, а люди все те же, и действия те же. Появился рядом хороший доктор?

Хватай и консультируйся по всем болячкам! Своим, жены, детей, собак... а то ведь сбежит – пожалеешь.

Гардвейг в этом плане ничем не отличался от соседа дяди Гриши, который тоже чуть что бежал к Алиной маме за помощью. Ну да ладно, Лиле не жалко было.

Проконсультировала.

Милия третьего ребенка ждала, а частые роды ни в каком веке полезны не бывают. И так все ясно. Отдыхать, отдыхать

и отдыхать. И следующий ребенок – не раньше, чем через три года, лучше через пять, а то просто не доносит. Или сама помрет.

Кто ж знал, что в этот момент заговорщики и начнут атаку?

Повезло. Гардвейг как раз шел к жене, вот, на него первый удар и пришелся. Вместо того, чтобы ворваться в детскую и прирезать королеву с малышами, заговорщики наткнулись на короля, который и попер в атаку. Понял все сразу, всех собой закрыл, сам погиб, а им дал время скрыться.

Королевская детская, это не просто так комната, это комната, из которой есть потайные ходы. Мало ли, детей спасать придется!

Повезло – Милия секретки знала. Так и ушли все, сама королева, двое детей, их нянька, и на сладкое – Лилиан Иртон. Которая дико благодарила небо, что родимое чадушко дома. В посольстве.

А не с ней, неясно где и черт его знает с какими перспективами.

Ага, с какими...

Милия с перепугу начала рожать. Повезло еще раз – до пикового момента успели дамы выбраться из потайного хода и найти себе приют в одном из домов.

Доброе слово и золото – они чудеса творят! И младенца не пришлось на мусорной куче принимать... какой бы трагизм был, хоть Шекспира рожай! Король, рожденный на по-

мойке...

Ладно, принц, но помойка-то остается?

А, может кто еще и напишет. Драму в трех актах. Как известно, мир тесен, и если на одном его конце ты куда-то вляпаешься, то на другом обязательно об этом наврут с три короба.

Милия успешно родила мальчика, и пока Лиля раздумывала, что делать дальше, ее нашли вирмане. Как – нашли? Весточку она о себе подала. Вирмане и примчались к своей графине. Не с пустыми руками, а уже с четким планом действий, кстати говоря. Надо удирать из города? Обязательно надо, пусть уэльстерцы сами разбираются, их дело сторона.

И графиню надо с собой вывозить, и виконтессу, и собак, и самим бы выбраться неплохо... есть еще королева с детьми?

Ну и ладно, мы и королеву прихватим!

Как только весь этот табор из города вывезти? Остальное было уже делом вирманской богатой нездоровой фантазии.

Обыщут кого?

Купца, торговца... даже карету аристократа обыщут. А вот бочку золотаря или телегу мусорщика – уже вряд ли. Кому оно охота, в дерьме копать?

До абсурда вирмане дело не довели, и в бочке золотаря ехать не пришлось, а вот телегу мусорщика они изобразили в лучшем виде. Даже несколько телег. И смогли вывезти из города и Лилю, и Милию, и Миранду, и принцев, и еще кучу

эввиров впридачу. Не бросать же людей на растерзание?

И двигалась вся эта процессия в Летний дворец. Там стоит Панцирный полк, его командир, граф Шантен, если кого и поддержит, так это королеву, а тысяча воинов при бунте не лишние. Осталось только добраться и найти с графом общий язык.

Лиля отлично понимала, что Милия на многое не способна. Что уж там...

Она чудесная женщина, и Лиля ей искренне завидовала. Милия полностью отвечала своему имени. Мягкая, добрая, теплая, домашняя... понятно, почему Гардвейг так на нее запал. Вот уют она устроит идеально.

А воевать?

Приговоры подписывать?

На плаху отправлять подонков десятками и сотнями?

Дрогнет, ох как же дрогнет рука. И останутся все заговорщики и на свободе и в живых. Край – штук пять приговорят, остальные разбегутся.

Что дальше будет? Да и без гадалок ясно! Года через три повторится тот же бунт. Дубль два, извольте кушать. Разница в том, что Милию и детей уже никто не спасет. Эда, Кора, Гарда, который только что родился...

За своего ребенка и курица зверь?

Так-то да, но надолго ли того зверства хватит?

Так что Лиля собиралась взять кое-что в свои хрупкие дамские ручки.

Воевать? Нет, что вы! Из нее тактик и стратег, как из Плисецкой – грузчик. Тут она и не поможет, и не подскажет. Отец хоть и рассказывал ей кучу всего, но... вы аппендицит по книжке не пробовали вырезать?

Вот Лиля и пробовать не собиралась. Война – это не ее. Без нее справятся и раздавят подонков.

А вот что с ними потом делать...

Если понадобится, Лилия пинками Милию заставит приговоры подписывать, согласно принципу хорошего лекаря. Лучше удалить пораженный орган, чем потерять весь организм.

Больно?

А умирать-то больнее...

А еще...

Это Лилиан Иртон жила в Ативерне. А Алевтина Скороленок во времена оны жила в стране, которая пережила (хоть какими словами назови, суть не поменяется) революцию и войну. И отлично знала, что за развлечения знати ответит народ.

Ей было просто жалко уэльстерцев. Никому бы она не пожелала такой жизни.

Так что добираемся до графа Шантен... кстати!

– Милия! Милия?

– А...

– Где граф Лорт?

С графом Лилия была знакома заочно, по переписке. А еще

по рассказам мужа, Ганца Тримейна, его величества, его высочества... Короче – сволочь этот граф. Большая и злопакозная. Вот кого бы напустить на заговорщиков, а потом и расслабиться можно. Там и без них все будет скулить, рыдать и быстро разбежаться. Кто жив останется, конечно. Но его еще найти надо! А при дворе его сейчас нет, иначе точно познакомили бы. Ничего не скажешь, нашел время где-то шляться!

– Гард отправил его на полгода в поместье.

Лиля выразилась коротко.

– ...ля!

Милия виновато вздохнула, хотя ее-то вины тут точно не было.

– Эдоард настоял.

Лиля выразилась чуть подлиннее. Потом подумала...

– А есть возможность послать ему весточку?

– Н-навверное. С королевской голубятни точно...

– А с другой?

– Н-не знаю. Это будет дольше, и когда он еще приедет.

– Неважно. Весточку пошлем, пусть приезжает, как получится. Лишним он точно не будет. Король ему доверял?

– Альтрес его брат. Молочный...

Для Лили это была не аттестация, еще со времен Каина и Авеля, но Милия должна знать, о чем говорит? Наверное...

Надо будет еще с Джерисоном посоветоваться. Он больше знает обо всей этой политике...

Джес!

Мысль, которую Лиля гнала от себя, царапнула когтями, впилась не хуже того самого сучка, разве что не в бок, а в сердце.

А ведь Джес был во дворце, с принцессой. И мог не успеть удрать. Или кинуться, как король, да и сложить голову.

И как тогда быть?

Второй раз за год его хоронить? Миранда с ума сойдет, первый-то раз девчонке до сих пор аукается...

Лиля сделала глубокий вдох, успокаивая трепыхнувшееся сердце. А ну – цыть!

Может, сразу и не убьют! Или удрать успеет! Если Джерисон жив, она найдет способ ему помочь. А если мертв... вот ради Миранды она так отомстит его убийцам, что останется в истории под именем Лилиан Кровавой! Графиня Батори позавидует! И Влад Цепеш за компанию.

А ради себя?

Эммм... ладно! Личное тут тоже будет! Она супруга лечила, воспитывала, понимать училась, а он помереть собрался? Это уже наглость, господа! Такого она никому не спустит! Заговорщики и за ее потраченное время ответят!

И вовсе она не плачет! Это от воних глаза слезятся.

Точка.

Телегу подкинуло на очередном ухабе. И ведь даже взвыть в голос нельзя, вдруг демаскируешь всех?

– Еще с полчаса, ваше сиятельство, и вылезать можно.

С точки зрения Лили, эта новость претендовала на Новость Года.

Осталось эти полчаса прожить... да мать его об рыбу! Опять этот ссссучок!

Глава 1.

Бунт и фунт... лиха.

Уэльстер. Кардин и его окрестности.

Робер принимал доклады.

Приятно осознавать свою гениальность. Столица буквально легла под него, как он и рассчитывал. Арсенал, мост, казначейство...

Все, все теперь подчинялось ему, везде были его люди. Да и людей-то много не понадобилось. Все он правильно рассчитал, вот что значит гениальность! Вот они, многолетние планы, кровью выпоенные, у сердца выношенные. Вот он – результат!

Молчала пока крепость Шедар. Удалось ли справиться с Лазурными, Робер не знал. Ладно, пришлют голубя. Скорее всего, там пока еще идет битва, времени не так много прошло.

Пока зачистят крепость, пока разберутся... к обеду бы прорезались, а то и к вечеру. Робберу хотелось уже праздновать победу, но... в жизни никогда все не идет идеально гладко.

А вот что действительно тревожило душу герцога – пропавшая королева.

Где эта сука!?

Если бы сейчас он мог показать людям не только мертвого Гардвейга, но и его супругу, и щенков – никто бы ничего не возразил. Династия пресеклась, король Гардвейг умер, да здравствует король Генрих. А эта тварь куда-то удрала, вместо того, чтобы лечь и помереть.

Что она могла сделать?

Как она могла вообще сбежать?

Робер уже понял, что во дворце королевы нет. Барон Фремонт обыскал дворец сверху донизу, и не нашел ни королеву, ни детей, ни принцессу Марию, ни графа и графиню Иртон. И куда они могли деться?

Вместе или порознь?

Чего теперь ждать прикажете?

Робер знал, что бы стал делать он. Любыми усилиями пробился бы к своим, поднял бы народ на борьбу с узурпатором, блокировал столицу...

Много чего можно сделать. А вот что сделает Милия?

Он видел королеву, он собирал о ней информацию... максимум, на что способна эта клуша – с рыданиями сдохнуть на трупе короля. Она безвольная, аморфная, глупая...

Но вместо этого она бежит, и щенков своих забирает, и ведь никого не нашли!

Нет, это не Милия.

А кто?

Кто посмел нарушить его планы?

Вариант у Робера был один. Граф Иртон, больше некому. Графиня Иртон? Да что может великосветская шлюха? И вообще, это женщина! А женщины не способны думать головой, у них другой орган работает, нижний...

А вот граф Иртон...

Который, кстати, тоже пропал, да еще вместе с королевой.

Что с ним можно сделать?

– Мы можем блокировать и взять посольство Ативерны, – предложил Эдвин Фремонт. – Если виконтесса Иртон там...

– Мы получим отличную заложницу, – кивнул Робер. – Действуй, граф меня беспокоит.

Барон не спешил уходить, мялся как-то, смотрел непонятно.

– НУ?!

– А графиня?

– Графиня? – искренне удивился Робер Альсин. – А что с графиней? Найдется, небось, где-то спряталась...

Эдвин покачал головой.

– Ваша светлость, она умная гадина. Опасная... будь она здесь, я бы ее первой придавил.

Робер хмыкнул.

Историю отношений барона и графини он знал, и чего удивляться? Мало того, что не дала, еще и дураком выставила. И кому это понравится?

Кто такое проглотит, мужчиной называться перестанет. А что Эдвин решил под шумок свести личные счета... дело

житейское.

– Найдешь – удави.

– Она с королевой была, я расспросил людей. Теперь с ней же и ушла.

– Тем лучше. Дочь она любит?

Эдвин кивнул. Тут никаких сомнений не было. Любит до безумия.

– Рысью в посольство за девчонкой.

Отдав приказания, Робер вернулся к ативернцам. Их он приказал схватить в первую очередь. Всех, кто оказался во дворце, общим числом четырнадцать человек. Правда, потом их рассортировали.

Чету Ройвелей, Элонтов и маркиза Эрандо оставили для беседы, а молодняк (что с него пользы?) отвели в тюрьму. Пусть посилят пока.

Знать они ничего не знают, полезны не будут, чего ими дворец загромождать?

А вот со старшими имеет смысл поговорить. Пусть знают, что их ожидает.

Робер вошел в комнату, в которой его со страхом ждали пять человек, светски улыбнулся и даже чуть поклонился.

– Дамы, господа, рад вас видеть у себя в гостях.

Маркиз Эрандо без особой приязни посмотрел на герцога. Намек не прошел мимо опытного дипломата, и маркиз,

понимая, что живыми и целыми их отсюда не выпустят, решил прощупать почву.

– Ваша светлость? А что ж без короны?

Робер кивнул ближайшему наемнику, тот шагнул вперед и врезал маркизу. От души, древком копья под ребра. Эрандо Лосан согнулся вдвое и осел на пол.

– Не смейте!!! – Присцилла Элонт бросилась к упавшему. – Вы зверь!

Робер усмехнулся.

– Язык придерживай, маркиз, а то с головой оторву.

– Что вам надо? – мрачно спросил Ройвель. Он тоже все понимал, но людям свойственно надеяться до конца.

Робер мило улыбнулся.

– Что мне надо? То, что ценнее денег, дамы и господ. Знания.

– Здесь книжников нет, – огрызнулся с пола Лосан. Мало ему, что ли, одного раза? Ладно, пусть тявкает, укусить ему все равно нечем.

– К моим услугам и так все книжники Уэльстера. Но они не знают ничего про графа и графиню Иртон.

И это было чистой правдой.

Про графа Иртон ему рассказывал барон Фремон. А вот про графиню...

Да, они путешествовали вместе. Но графиня с ним общаться решительно отказалась. А «умная сука» – это не характеристика, это общие слова. Даже собака может лаять, ку-

сать, прятаться, подавать лапу, носить тапочки... что именно может графиня Иртон? Этого Эдвин не знал.

Но сомнения все равно посеял, вот и собирался его светлость выяснить подробнее про своего возможного врага.

Эрмина Ройвель кашлянула.

– Думаю, ваше сиятельство, вам надо спросить меня.

– Спрашиваю, графиня, – охотно согласился Робер. – Что вы знаете об Иртонах?

– Вас ведь интересует не их состояние, а их отношения. Они сами, как люди. Верно?

Робер кивнул еще раз. Догадливая дама. И что приятно – готова сотрудничать. Хорошо, когда информацию тебе предоставляют по первому требованию, а то палач, пытки... это так долго!

А ему время – сейчас ценнее всего остального. Можно бы всех разделить и расспросить каждого в отдельности. Но на это у Робера не было времени. Побыстрее бы разобраться.

Опять же, супруги Иртон – не бог весть какой секрет Короны. Чего тут скрывать?

Робер прекрасно плел интриги, подкупал людей, отлично торговал оружием, и соответственно, разбирался в людях. А еще герцогу была свойственна легкая самонадеянность, и он полагал, что увидит ложь. Уж понять, где ему врут он всяко сможет, до сих пор удавалось, и сейчас удастся.

Так что разберемся побыстрее – и вернемся к своим делам.

– Граф... я начну с него, с вашего позволения. Неглуп, отчаен, самолюбив. Любит рисковать и не боится последствий, – Эрмина словно рассуждала сама с собой. – Джерисон Иртон командует гвардией его величества, но лично я всегда считала, что это из-за его родства с королем. Племянник, все-таки. Лучше на такой должности иметь своего надежного человека. Вот его величество поставил Джерисона, натаскали его тоже неплохо, но у него такие ляпы бывают...

Что-что, а сплетен Эрмина знала более, чем достаточно. Чего не услышала, то додумала. На Робера вылился просто поток сведений, из которого он понял, что Джерисон, в принципе, бластной мальчик-мажор, которому при дворе все простительно из-за его происхождения. Племянник короля – не жук начхал?

А так граф бабник, которому все сходит с рук.

Бретер, дуэлянт, задира, за которого всю работу делают заместители.

Да и вообще, человек не слишком надежный. Но его величество любит сопляка, вот и терпит. А Эрмина бы его... уххх!

Ативернцы слушали с каменными лицами, особенно маркиз Лосан. Эрмина разливалась соловушкой.

От графа она плавно перешла к его жене, и теперь икалось Лилиан Иртон.

Что можно сказать?

Деревенщина, дочка корабела, простонародье... с ним ей

удаётся общий язык находить, а вот с благородными людьми – нет. Да и откуда там благородство?

Бедный граф, как женился, так спихнул жену в Иртон, и сидела она там тихо... почему выписал?

Мало кто знает, так что тссссс! Но Эрмине все известно, просто она умненькая и молчать умеет. Август Брокленд серьезно болен. Вот его и обхаживает старая гадюка... кто это?

Да мамаша Джерисона же, ее так при дворе прозвали, потому как гадюка редкостная!

И сынок весь в нее, тоже такой же гад подлизливый... в общем, Август сказал, что не хочет умирать, не увидев внуков. Король грохнул кулаком по столу, и пришлось бедному графу забирать жену из деревни. Не по доброй воле, понятное дело, он же у вас был со своей любовницей. Леди Вельс, знаете такую?

Видели и слышали?

Ну и поставьте их рядом! Леди Вельс, и эту деревенщину Иртон! Небо и земля!

Утонченная, красивая, благородная... и вот это! Которое о правилах приличия знает только то, что они где-то есть!

Никакого сравнения! Сами понимаете, это просто смешно!

Слуг распустила, отец ей вирман в телохранители нанял, так у этих отродий никакого понятия о манерах, везде лезут...

– Да-да! – подхватила Присцилла Элонт. – Эти вирмане!

Это просто ужасно! Вы же понимаете, у меня дочь...

Спустя час Робер Альсин был твердо уверен в одной вещи.

Если при дворе Ативерны и есть кто-то более бесполезный, тупой и наглый, чем супруги Иртон, то его собеседникам таких не встречалось. Жаловались все. Даже мужчины соизволили по паре слов вставить.

Что ж. От этих опасности не будет. Значит, надо искать, и скорее всего, в посольстве.

А как найдем...

Этих – пока придержать, пусть полный комплект будет.

Что ж, радуется, что ему противостоят одни идиоты.

Робер не видел, как после его ухода Эрандо Лосан с трудом поднялся с пола – отбитые ребра болели невыносимо, может, даже сломалась парочка. Но маркиз подошел к графине Ройвель, склонился перед ней и поцеловал даме руку.

– Вы чудо, Эрмина.

Графиня Ройвель улыбнулась.

Она была стервой, гадиной, заразой, но не дурой. И отлично поняла, что Иртонам удалось сбежать.

Что она может для них сделать?

Только одно. Пусть их недооценивают. Как можно больше и как можно дольше.

Она успела оценить графа и графиню за время путешествия, и не сомневалась – эти не станут тихо сидеть в убежище. Не сбегут и не бросят своих.

А раз так?

Надо дать им время и возможность для удара. Если сейчас ей удалось выиграть хоть какое-то время – ура! Глядишь, и их убить не успеют, выручат!

Иллюзий насчет своей участи Эрмина не питала. Попытки, казнь... вряд ли можно дожидаться чего-то еще от Альсина. Но... пока еще есть шанс. И она будет бороться. Хотя бы так... интересно, где сейчас граф Иртон?

Граф Иртон в данный момент участвовал в походно-полевом допросе.

Часть наемников осталась жива, даже два командира, и церемониться с ними никто не стал. Притащили из кузницы жаровню с углями, щипцы, клещи, еще кое-какие приятно поблескивающие инструменты, и приступили к допросу.

Лэйр Ольсен церемониться не собирался.

Мигель пока поехал за девушками, а Джесу было не до того. Чем скорее они узнают о заговоре....

Ивернейскому – что? У него все рядом, а вот у него в городе жена, дочь... ему надо знать, какими силами располагают подонки! Их ведь еще давить предстоит!

– Говорить будем, или для начала ухо откусить? – мягко поинтересовался лэйр Ольсен у одного из наемников.

Героев здесь не было. Им платят – они дерутся. Но сейчас они драться уже не могут, да и заплатят им вряд ли. А раз

так... чего из себя мученика делать?

Ведь не помилуют, и настроены люди более, чем серьёзно. И уши откусят, и пальцы, и ремни из спины нарежут, это как минимум. Про максимум лучше не думать.

А потому...

– Если я все расскажу, меня отпустят?

Лэйр Ольсен прищурился.

– Может, тебе еще и вина с девками? Расскажешь – просто повешу. Промолчишь – умолять будешь, чтобы повесили, понял?

Джерисон покачал головой.

– Лэйр, зачем же так сурово?

– А что вы предлагаете, граф? Отпустить эту тварь, чтобы он тут же донес обо всем своим хозяевам?

– К чему же сразу отпускать? Наверняка, в крепости есть пара мест, где можно подержать пленников? А уж позднее...

– Вот еще, отпускать!

– Если нас победят, его все равно освободят. А если мы победим, пинка ему и на все четыре стороны. Если он что-то знает, конечно...

Практика «злой следователь – добрый следователь» была прекрасно известна еще в средние века. И как любая хорошая вещь, совершенно не протухла с той поры.

Наемник сглотнул – и заговорил.

Судьба наемника – штука сложная.

Есть найм – есть деньги.

Есть деньги – можно жить.

А ведь жить-то хочется не просто так, жить хочется хорошо. И на старость что-то да скопить... век наемника короток, к тридцати годам большинство из них уже наживают кучу ранений, шрамов, проблем, болячек... больная спина и «блудливые» болезни – это только вершина айсберга, на деле там еще много чего бывает.

Поэтому когда клиент предлагает хорошие деньги, наемники обычно соглашаются.

На что?

На все.

Удрать никогда не поздно, а денег много не бывает.

Такая узкая грань профессионализма – не братья за провальными делами, не соглашаться на подставы... и в то же время не быть слишком переборчивым.

Десятник отряда «Рыжие псы», Райан Бек, дураком не был. И когда командир сказал, что им предстоит, пришел в тихий ужас.

Но...

Во дворец им было не идти, даже рядом не стоять, они были в резерве, а захватить крепость Шедар...

Вот уж не проблема!

Не окажись здесь сегодня этот караван, все бы прошло, как по маслу.

Лэйр Ольсен вспыхнул и хотел дать в челюсть наёмнику, но перехватил взгляд Джерисона и остыл. Ни к чему.

Птичка запела, не стоит ее дергать за хвост.

Хотя Джерисон с наемником был согласен полностью. Крепость можно было взять, были все шансы. Просто – не повезло. А так...

Вот в жизни он не поверит, что ни на одних воротах не было предателя, что не было своего человека среди «Лазурных»... были! Обязательно были! И об этом тоже стоит спросить, но чуть позднее. Если человек начал говорить, пусть сначала выскажет, все, что на душе накопилось. А уж потом будем уточнять.

Да и выглядело все достаточно пристойно. Командир отряда (тоже не дурак) прекрасно понимал, что это авантюра. Жуткая.

И не стремился сложить свою голову за Альсина.

Хотя тут было чуток сложнее. Герцога они знали давно, он подбрасывал отряду выгодный наймы и договора, и ни разу не подставлял. А еще... у Бека было такое ощущение, что командир чем-то с ним завязан.

Личным.

Чем именно, он не знал, да масса вариантов.

Начиная от того, что они одну бабу... гхм! И до того, что у командира на землях герцога кто-то живет. Распространяться о своей жизни командир не любил, излишне любопытным мог ответить прямым в челюсть, так что дураков не находи-

лось.

Одним словом, отказать Альсину не получилось. Оставалось только плыть по течению.

А в остальном – да, Альсин.

Около тысячи человек, может, чуть больше – чуть меньше.

Что захватывали?

Арсенал, это он точно знает, туда его знакомый отправился. И казначейство.

Вроде как еще канцелярию иностранных дел, но это вопрос, сам Бек просто не знал и десятой части.

План?

Командир намекал несколько раз, ну и так... имеющий уши, да услышит. Хотя и не сразу, по крупицам, но все же, все же.

Убить короля, и вроде как у Альсина есть королева и принц. Но это так вилами на воде, он за эти слова не отвечает.

Кто-то сказал, что-то трепанул...

Нет, точнее он не знает.

Лэйр Ольсен только рукой махнул, и стражники поволокли наемника куда-то в темноту.

– Куда его? – озаботился Джерисон.

– Да есть у нас тут сарай. Посидят пока...

– Поговорим с остальными?

– Именно.

Томас Конкор искренне не хотел верить в написанное.

Но...

За Лилиан Иртон не было привычки к дурацким шуточкам или розыгрышам. А потому Томас поспешил отыскать Джека Вильсона – доверенного слугу маркиза Лосана.

Джек уже не первый год жил со своим хозяином в Уэльстере, знал местную кухню вдоль и поперек, да и человек он умный... одна голова хорошо, две – лучше.

Джек нашелся в покоях маркиза, и Томас, недолго думая, показал ему записку.

– Почерк – ее?

– Да.

– Печать?

– Тоже.

– Откуда ты так точно знаешь?

Между собой слуги общались на равных. Были определенные трения, были свои тонкости, но в целом, Томас и Джек были примерно равны по статусу. Один водил караваны, второй заправлял хозяйством, но и первое, и второе – дело сложное и неблагодарное. Особенно когда приходится иметь дело с благородными. Лучше уж по куриным яйцам ходить, да так, чтоб те не раскалывались. Оно вернее будет...

– Знаю. Не раз видел. Хочешь, Альдонаем поклянусь?

Джек покачал головой.

– Не стоит. Я бы до утра подождал, а там попробовал раз-
узнать, что и как.

– А если до утра сюда придут?

– Да кому мы, слуги, нужны?

– Слуги – никому. А господа? Думают ведь, что они
здесь...

– Господа все на балу.

– А дети? Виконтесса Иртон, к примеру?

В глазах Джека блеснуло понимание.

– Что ты хочешь сделать?

– Вывезти, что смогу, и бежать.

– Куда?

Том пожал плечами.

– Есть у меня мысль...

Он думал о трактирщиках.

Для начала – можно рассредоточиться по нескольким
постоялым дворам, по одной-две телеги. А золотые моне-
ты быстро обеспечат лояльность хозяев. Выгодного клиента
обычно не сдают.

Да и не живут стукачи в трактирном бизнесе, не получа-
ется у них выжить. Это в уличных комедиях трактирщики
недалекие и болтливые.

В жизни они разговорчивые, да. Но исключительно в свою
пользу. К примеру, о погоде, о природе, о бойцовых пету-
хах. Но уж точно не о политике.

И не со стражниками.

И не с осведомителями... для трактирщиков есть лишь одна священная корова – та, которая платит. Вот ее интересы и надо отстаивать. А Томас заплатит не скупясь, золотом. Сейчас монеты для него ничего не значили. А вот жизни людей...

Надолго, конечно, этой уловки не хватит, но пара дней у Томаса была. А там, как говорила графиня Иртон, кто-то да помрет. То ли ишак, то ли падишах, то ли я сам – и поди, разберись, кто лучше знал богословие.¹

Это он и изложил Джеку.

Верный слуга думал пару минут, потом кивнул.

– Да, это правильно. Но я бы посоветовал еще один ход.

– Какой?

– Тут неподалеку дом графа Дишан.

Конкор пожал плечами.

Граф – и граф, он-то здесь при чем?

– Надо бы его оповестить. Его близких так точно...

– А кто он, этот граф?

– Правая рука короля. Начальник его тайной службы.

Раньше там граф Лорт был, но его величество графа или в отставку отправил, или...

Конкор махнул рукой.

– Джек, ты что-то не то говоришь! Ты подумай сам, я приду в дом высокородного графа, ночью, покажу записку

¹ Л. Соловьев. Повесть о Ходже Насреддине, прим. авт. Совершенно шикарная книга.

невесть от кого и буду уверять, что это чистая правда. Да меня плетью погонят!

– Я с их слугой знаком. И проведет Реми, и выслушают нас, уж будь уверен.

Том покачал головой.

– Хочешь – сам этим занимайся, а мне людей собирать надо. Организовать все...

– Записку дашь?

Том молча протянул клочок пергамента.

– Не потеряй.

– Обещаю. Если что – еще пару мест побереги?

Том кивнул и заспешил к своим людям.

Джек не поднял его на смех, не сказал, что все это бред...
ох, беречься надо, от греха подальше...

Знаете, что самое страшное для слуг?

Да именно это! Попасть в господские игры! Там, где знать свою голову сохранит, рыбешка помельче и головы лишится, и хвоста. И самой жизни.

Кто там с ними церемониться будет?

Так что медлить нельзя!

Томас добрым словом помянул графиню Иртон, которая подумала-таки о слугах, и принялся организовывать Исход.

Кому что грузить, кому куда идти, кому договариваться по трактирам... рук и людей решительно не хватало. А и пусть.

Лучше десять раз покрыться потом, чем один раз – могильным саваном.

Работаем, ребята, поспешаем! Нас ждать никто не будет!

Джек Вильсон подходил к воротам особняка Дишанов не без внутреннего трепета.

Это Томас был абсолютно уверен в Лилиан Иртон.

А он сам?

Сейчас он ставил свою жизнь на клочок пергамента. И не только жизнь.

Если окажется, что это дурацкий розыгрыш благородных... Джек еще раз достал записку, перечитал...

Нет, такими вещами не шутят.

За такое и герцоги могут голову на плаху положить, уж вы поверьте.

Буквы неровные, писали явно в страшной спешке или в волнении. И пахнет от пергамента...

Чем-то затхлым, он долго лежал у кого-то в сундуке или шкафу, а еще дорогими духами. Такими же пахнет в комнатах Лилиан Иртон.

Духи, кофе...

Джек не колеблясь больше, почтучал в калитку. Не ломиться же в главные ворота?

На его счастье, Реми еще не спал. Объяснить ситуацию было делом минуты.

Так и так, записка, мы удираем, вы смотрите сами. Но граф Дишан, вроде бы... того? С ним-то все в порядке?

Реми только затылок зачесал от таких новостей.

И то сказать, в голове не укладывалось. Только-только все было в порядке, и вдруг! Здравсте-нате!

– Джек... с таким лучше к хозяину.

– Затем и пришел.

Как слуга маркиза, Джек был посвящен в некоторые секреты уэльстерского королевского двора. И всерьез рассчитывал на графа Дишан.

– Пошли. Доложу, а там уж молодой хозяин решит...

– Молодой?

– Граф во дворце. А его сын дома...

– Сегодня ведь помолвка?

– Да у него жена в тягости, – выдал страшную тайну Реми. – Ей в тесноте и духоте мигом поплохело, виконт ее и привез.

– Вот оно что... ладно, ты докладывай, я подожду.

Выслушивать слугу дворянину не по чину, это так.

Но если речь идет о жизни и смерти?

Более того – о жизни и смерти короля?

Тут не то, что слугу, кого угодно выслушаешь. Виконт Дишан принял Джека, прочитал записку и задумался.

С одной стороны... с другой стороны...

Как ни крути, надо разбираться.

Джек помог.

– Ваше сиятельство, ежели Томас прав, то в посольство скоро придут. Вы бы кого понаблюдать отрядили. Да к вам бежать, коли что не так?

В этом было разумное зерно.

Виконт согласился, отправил в посольство того же Реми, а сам пошел к матери. Графиня сегодня тоже была дома. И не любила она торжества, и невестке плохо стало, и вообще...

Виконт попросил мать потихоньку собрать деньги и драгоценности, и быть готовой ко всему.

Мало ли что?

Мало ли кто?

Когда Джек и Реми заявили в посольство Ативерны, Томас уже заканчивал сборы. Джек вернул ему записку и пожелал удачи.

Сам-то он в любом случае останется. Посольство строили так, что в нем всегда найдется пара укромных уголков. Пересидит что угодно, кроме пожара, но кто ж будет поджигать дом в центре Кардина? Тут полыхнет,, так полстолицы выгорит!

Только Том, скажи, где тебя найти можно будет. Так, на всякий случай?

Том не стал таиться и назвал трактир, в который отправлялся сам.

Мужчины пожали друг другу руки и распрощались.

Допрос остальных наемников больше не дал.

Кто-то что-то услышал, кто-то узнал...

Сволочь Альсин, что тут скажешь? И противопоставить ему пока что нечего.

Разве что...

Спустя два часа Джерисон, граф Иртон, лэйр Ольсен и Мигель Ивернейский держали совет.

– У меня другого пути нет, – просто сказал лэйр. – Я королю присягал, я до конца пойду. Так что буду рассылать птиц. Вам, господа, лучше уехать.

Джерисон махнул рукой.

– Лэйр... без чинов, хорошо?

– Хорошо...

– Джес.

– Эрт.

Мужчины пожали друг другу руки под пристальным взглядом Мигеля. Как-то раньше поговорить времени не было, пока отбивались, да пока допрос вели...

А сейчас самое время все прояснить.

– Я никуда не уеду. У меня жена и дочь в городе. Так что – я с вами. От одного человека толку немного, но у меня есть отряд сопровождения, если что...

– В городе? – кротко поинтересовался Мигель.

Джес хмыкнул.

– Вы и сами это знаете. Мне некогда было ехать в посольство, мне надо было вытащить ее высочество.

– С этим разберемся, – махнул рукой Эрт Ольсен. – За-варушка будет – ничьи руки лишними не окажутся. Да вы, Джес, и не из робких и слабеньких.

Джес коротко кивнул.

– Я не останусь, – просто сказал Мигель. – Я предлагаю сопроводить мою сестру и ее высочество Марию к границе. Мало ли что...

Джерисон воззрился на него с искренним удивлением.

– Вашу сестру – понятно. А ее высочество зачем?

– Она – единственная оставшаяся у нас наследница трона. Случись с ней что... вы сами понимаете, что Уэльстер без законной власти – это хаос. У вас, кстати, под боком.

– Можно подумать, вас не зацепит, – огрызнулся Джерисон. – Ваше высочество, вы полагаете, если принцесса уедет с вами, потом кто-то поверит в ее подлинность? Да ее никто не признает, скажут, нашли где-то куклу...

– Королевскому слову поверят.

– Да, в Ивернее. Но не здесь.

Лэйр Ольсен молчал. Он пока не собирался спорить с принцем, подождем, до чего граф договорится.

Старый вояка понимал, что Джес прав. И ему тоже не хотелось отпускать принцессу, но тут могло быть только одно определяющее мнение.

Самой Марии.

А вот его-то пока и не прозвучало. Лэйр видел только бледную усталую девушку, которую сняли с лошади и пре-

проводили в покои коменданта, подав туда же горячую воду и поесть.

Поэтому есть ли смысл встречать?

Помолчим, подождем.

А спор накалялся.

– Ее высочество обручена с моим кузенком.

– Ей никто не помешает выйти за него замуж. Но позднее, когда она уедет от всего этого ужаса.

– И помолвка была заключена, а я полномочный представитель Ричарда. То есть решать мне. И я не желаю отпускать принцессу с вами.

– Вы ей не отец. А помолвка... у вас все бумаги на руках?

Бумаги были в канцелярии иностранных дел. А там сейчас хозяйничал Робер Альсин, мать его об стену. Джерисон сдвинул брови.

– Бумаги вторичны. А королевское слово дороже золота.

– Так его никто и не нарушает, – Мигель уже праздновал победу.

– А меня спросить никто не желает, господа?

Мария появилась тихо-тихо. Ну да, покои коменданта – соседние, говорят они громко, а окно открыто. Или дымоход.

Или еще как-то услышала, дело житейское.

Принцесса успела умыться и переодеться в выданную ей одежду. Дамской в крепости не нашлось, но брюки и рубашка ей были очень к лицу, даже несмотря на повернутые рукава и штанины.

Темные волосы были распущены и расчесаны, карие глаза сверкали злостью.

Мужчины промолчали.

Тут что ни скажи... дураков среди них не было, и они понимали, что женщине в таком состоянии лучше не прекословить. Голова целее будет.

– Ваше высочество, – наконец решился Мигель, как самый молодой и знатный, – Мы решали, как не подвергнуть вас опасности.

– Да, я слышала.

Яда в голосе Марии хватило бы на троих Гардвейгов и еще на одного Лорта осталось бы. Именно в эту минуту стало ясно, насколько она дочь своих родителей. Королевская кровь, разбавленная змеиной.

– Тогда мы можем попросить вас высказать ваше мнение, ваше высочество.

Ее высочество и не подумала смущаться.

– Мария, граф. После всего пережитого, вы заслужили право называть меня по имени.

– Благодарю... Мария.

– А теперь надеюсь, что меня услышат. Я высказывалась вполне определенно, и с той поры мое мнение не поменялось. Я вообще не понимаю, господа, откуда столько наглости – решать за принцессу? У вас, Джерисон, в городе жена и дочь. А у меня там – мертвый отец. А еще моя мачеха и братья. Мои сестры. И вы полагаете, что я оставлю их в ру-

ках врага – и благородно отправлюсь в Ивернею, трястись под кустом от страха?

– Почему же под кустом, ваше высочество, – Мигель попробовал перевести все в шутку, но куда там. На него так сверкнули глазами, что Джерисон невольно вспомнил Альбиту.

Лишь бы не укусила, отравится же.

– В вашей постели, ваше высочество? Или кто там попытается меня скомпрометировать, чтобы разорвать помолвку с Ричардом Ативернским?

Онемели все. Мария усмехнулась.

Единственный человек, которого она боялась, ее отец, умер. А остальные... остальные ей такого страха не внушали.

– Господа, я не дура. И прекрасно понимаю, какие у кого планы. Давайте расставим все по местам. Вы, Мигель, можете отправляться на все четыре стороны, не задерживаю. На отношениях между нашими странами это никак не скажется. Во всяком случае, пока я жива и это зависит от меня. Джерисон, я надеюсь, вы будете меня сопровождать – везде. Моя честь перед моим супругом должна остаться незапятнанной. Лэйр Ольсен, что вы собираетесь делать, чтобы отбить столицу у самозванки и ее пособника?

Рты закрылись.

Джес кашлянул.

– Я к вашим услугам... моя королева.

Мария склонила голову, пряча злые искры в карих глазах.

Злилась она не на Джерисона, тут не за что злиться. Человек отстаивал и ее, и свои интересы. Вытащил ее из дворца, помог, чем мог...

Конечно, Ативерна ему дороже Уэльстера, это понятно. И семья...

Лэйр Ольсен – тоже понятно. Все же спорить с принцем он не привык.

А вот ивернейцы...

Нет, что вы! Никакого дурного отношения, никаких гримасок. Но... запомню. Ох как я это запомню. А пока – о деле.

– Я помню о ваших близких, Джес. Мы все сделаем, чтобы их освободить.

– Или отомстить.

– Мне тоже есть, за кого мстить. Но я буду молить Альдона, чтобы наши близкие остались живы.

Лэйр Ольсен улыбнулся.

Королевская кровь, что тут скажешь? Никогда не побежит от опасности, вся в отца.

– Примите мою жизнь, ваше высочество. И распоряжайтесь.

– Мне не нужна ваша жизнь, лэйр, но она нужна Уэльстеру. Итак?

– Я рассылаю голубей. Не знаю, сколько соберется войск за сутки, но дольше мы ждать не сможем. Напишу Шантену, он сейчас должен быть неподалеку, есть еще пара отрядов по замкам... попробуем отбить столицу. Выбора у нас все равно

нет. Чем дольше эти в столице, тем нам будет сложнее.

Мария благосклонно кивнула.

– Вы правы, лэйр. Сделайте это, и я обещаю вам титул графа.

– Я не ради награды, ваше высочество.

– А я и не награждаю. Во всяком случае, пока. От меня еще слишком мало зависит.

Мигель быстро размышлял.

Если сейчас они с Лидией уедут, можно забыть об Уэльстере. Если они проиграют... есть шанс урвать свое и спасти принцессу. Да, и отцу надо срочно написать. Если выиграют...

Если он уедет, а уэльстерцы справятся с этим кошмаром, ему потом все припомнят. Если оставляешь человека в беде, не удивляйся, что он тебе потом руки не подаст.

Так и тут будет.

А потому....

– Мы с сестрой остаемся. Лэйр Ольсен, располагайте моим отрядом, как своим.

Дареному коню в зубы не смотрят. А потому никто не стал уточнять, с чего такие радости. Покивали – и порадовались. Сейчас ни один человек лишним не окажется, а уж пара десятков вояк – тем более.

– Тогда предлагаю наметить план действий, – лэйр Ольсен склонился на карте. – Вот смотрите, здесь наша крепость. Тут Летний дворец, где сейчас Шантен. Голубя я пошлю, да-

же не одного, пусть только рассветет. И напишите хоть пару строчек, ваше высочество?

Мария улыбнулась, снимая с пальца кольцо с королевским гербом.

Бриллиант, на нем лев с розой в лапах. Сделано так искусно, что кажется – золотой лев выгравирован на камне. Потом становятся видны «лапки», которые придерживают и камень, и фигурку.

– Отец как чуял... сегодня приказал мне надеть его.

– Это...

– Малая печать королевы. Не короля, нет, но королевы. На один вечер мне ее отдали. Произвести впечатление.

– Знает ли о ней Шантен? – первым сообразил Мигель.

– Никто другой не посмел бы даже дотронуться. Смертная казнь.

– Что ж. Поторопимся. Я отправлю голубей, и пошлю гонцов к Шантену. Это раз. Здесь – замок Долан. Там есть гарнизон, целых пятьдесят человек. Ваше высочество...

– Скажете, что написать, я напишу.

– И вот здесь у нас поместья Ирсон и Калон. Они вечно цапаются, и по паре десятков наемников у них точно есть.

Мария кивнула.

Ну да, Ирсон и Калон были притчей во языцех всего Уэльстера. Из-за чего поссорились соседи, кто уж теперь разберет. Но с некоторых пор (лет пятнадцать как), они тщательно охраняли друг от друга свои поместья и границы.

– Я им напишу. Пусть являются, авось и помиряются заодно.

– Я могу съездить, – вызвался Мигель. – И к одному, и к другому. Думаю, мне поверят.

Лэйр Ольсен прищурился.

– Ваше высочество, а коли что случится?

– От всех смертей не уберечься.

Вот тут лэйр был с ним полностью согласен. Да и про Ирсона и Калона был наслышан. Два упрямых идиота.

С другой стороны, к ним никто не явится, не должен, судя по словам наемников, у Альсина просто сил не хватит на все про все, так что оно и безопаснее будет – отправить к ним принца? Хоть под ногами крутиться не будет.

Еще б сестру с собой забрал, но такого счастья старому лэйру точно не будет. А ладно, двое королевских чад – это всяко меньше, чем трое. Хотя лучше б ни одного.

И за что ты меня так испытываешь, Альдонай?

Герцог Альсин вертел в пальцах перстень, снятый с Гардвейга.

Надо написать в Летний дворец.

К чему драться с Шантенем? Намного проще заманить его в ловушку. И поверит, потому что никаких вестей у него из столицы пока нет, а убийство короля... нет, сразу в такое точно не поверишь. Хотя бы пара дней у него есть, он спра-

вится.

Обязан.

В дверь скользнула Альбита.

– Его перстень?

– Теперь твой, как регента. Потом Генри.

– Ты так и не нашел моего сына?

– Ищем, дорогая. Приляг пока, отдохни, ты выглядишь усталой.

Робер знал, на что бить. О своей внешности Альбита заботилась так, как о детях в свое время не думала. Да и что те дети?

Их-то нарожать всегда можно, а вот внешность не вернешь, если сейчас упустишь.

Ее величество озабоченно коснулась пальцами щеки, гладкость которой поддерживала всеми силами.

– Да, я бы прилегла.

– Идите, моя королева, и предоставьте вашему слуге сделать всю работу за вас, – улыбнулся Робер Альсин.

Потребовалось еще пять минут славословий, но Альбиту он из кабинета выпроводил и вздохнул с облегчением.

Все, что мог, он сделал. Оставалось ждать вестей. А пока...

Минута торжества. Хотя бы минута...

Гардвейг ему не достался, но замена будет вполне... приятной.

Граф Дишан открыл глаза.

Болело все.

И еще бы оно не болело!

Когда приходишь в себя, растянутый на дыбе, неудивительно. Но... что случилось?

Граф напрягся, вспоминая и переживая черную волну боли, плеснувшуюся между висками. И – вспомнил.

Альсин.

Солдаты.

Предательство...

Темнота.

Видимо, его ударили по голове. А что король?

Дишан попробовал повести глазами и аж застонал от боли. Даже это движение отозвалось таким спазмом, что ему показалось на миг – голова разламывается надвое.

О-ох...

– Очнулся, ваша светлость.

– Это хорошо.

И в круг света перед Дишаном вступил тот, кого граф возненавидел в эту секунду больше всех на свете.

Герцог Робер Альсин.

Изящный, надушенный, в безукоризненно чистой одежде, глядящий с презрением и превосходством.

– Вот мы и свиделись, Дишан.

– Век бы тебя не видеть.

Граф попробовал плюнуть на предателя, но в горле пересохло, какие там плевки!

– И не увидишь.

Ах, с каким бы удовольствием Дишан замолчал, гордо и презрительно. Но...

– Что с королем?

Альсин молча вытянул вперед руку. Блеснул на пальце королевский перстень с бриллиантом, и Дишан понял, что – все. С этим кольцом Гардвейг не расстался бы никогда.

– Мразь!

На большее просто сил не хватило.

– Победитель, – легко рассмеялся Альсин. – Победитель.

– Ублюдок.

– И до Лорта я тоже доберусь. Рядом с тобой повиснет...

– Ненавижу! Чтоб ты сдох!

– О, с этим придется подождать. Долго ждать...

Дишан скрипнул зубами, но сказать ничего не успел. Альсин улыбался так же светло и безумно.

– Это ты в моей власти, Дишан. Ты... и жалеть об этом ты будешь долго.

Граф обвис в своих путах, понимая, что говорить бесполезно. Какой смысл разговаривать с безумцем? У него своя логика, свои мысли, свои законы...

– Ты будешь жить. А я буду навещать тебя, время от времени. Посмотреть, порадоваться... как ты думаешь, сколько костей можно сломать человеку так, чтобы он не сдох?

– Будь ты проклят!

– Давно. Уже очень давно.

И – кивок палачу.

– Думаю, сегодня мы начнем с ног. Только смотри, чтобы гангрена не началась, мне его смерть не нужна, мне нужно, чтобы он пару лет прожил.

Дишан застонал.

Да, это было не слишком мужественно,, но сейчас, когда он знал о своей участи, служить игрушкой для взбесившегося безумца....

Потом, потом он обдумает, как лучше поступить, как умереть чтобы не доставлять ему этого удовольствия.

А пока...

Палач шагнул ближе – и пришла ОНА.

БОЛЬ.

Громадная, непредставимая...

Она заслонила весь мир, взорвавшийся и рассыпавшийся осколками. И граф кричал, понимая, что это уже ни на что не влияет...

Кричать он перестал, только когда его бросили на пол в камере, и ледяные камни хоть немного утишили боль в переломанных ногах.

Альдоной, смилуйся надо мной.

Альдоной, помилуй Уэльстер...

Альбита лежала в кровати и смотрела в потолок.

Разумеется, потолка она не видела, над ней нависал балдахин.

Роскошный, расшитый золотом, с шикарными кистями и отделкой, за которую можно было бы корабль построить.

Гардвейг баловал свою последнюю подстилку...

Альбита зло усмехнулась.

Сон не шел.

Слишком много всего свалилось сразу, слишком...

Выпить вина? Или приказать глентвейна? Этот вариант Альбита отвергла сразу. Ее вино в сон не клонило, наоборот, хотелось петь, танцевать, что-то делать...

А еще... в чашке может оказаться яд. Днем ее пищу проверяют на заключенных, проверят ли ее сейчас? Робер уверял, что опасаться нечего, но стоит быть осторожной.

Слуги...

Когда Альбита о них думала?

Да никогда. Пока была знатной дамой, потом королевой... нет, ей и в голову не приходило, что это – тоже люди. Со своими чувствами, мыслями, желаниями... слуга – это ведь такой полезный инструмент, чтобы ей было удобно. Разве что ходящий и говорящий. А вот потом...

Потом оказалось, что это такие же люди, что у них есть свои интересы, свое мнение... да много чего есть. И с ними лучше считаться.

Пока Альсин не заменил дворцовую прислугу... ладно, за-

менить их всех нереально, тут ведь несколько сотен человек, но хотя бы убрать тех, кто был приближен к Гардвейгу, к Милии...

Мало ли?

Вот так, от доброты душевной и сожаления о старых хозяевах сыпанет какая-нибудь тварь горсть крысиного яда в котел, и прощайте, ваше величество.

Бывали случаи.

Раньше она об этом не думала, а вот сейчас... даже кинжал под подушку положила, хотя и не сильно надеялась им воспользоваться. Она не воин, она знатная дама. Это ЕЕ должны защищать, а не она – обороняться от врага.

Но с кинжалом было как-то спокойнее.

Вино не подойдет. А что?

Неплохо было бы мужчину.

В поместье Альбита так и развлекалась, не сильно оглядываясь на Альсина, но здесь... Здесь – не надо. И не ко времени, и не с кем... наемники – это наемники, кто их знает, сколько борделей они прошли? Лечиться от дурной болезни Альбите не хотелось. Придворные тут тоже не ко времени.

Мало ли кто, мало ли что...

Пусть и лебезят, и смотрят угодливыми глазами, но на дне зрачков, как ил на дне болота, плещется страх. Темный, гадкий...

Они не уважают, а боятся. За себя, за свои семьи... вот и пресмыкаются. А что будет потом?

Все то же.

Если вы заводите дома пресмыкающееся, не удивляйтесь, когда вас ужалят. Природа у этих тварей такая.

Змею видели? Вот, и где там благодарность? Где признательность, где любовь? Будет ползать и шипеть, а в один прекрасный для нее день цапнет так, что едва ли повезет выжить.

Пока никому доверять нельзя.

Альбита вздохнула.

Ни своим людям, ни чужим... никому.

Робер говорил – год. Если усидят, тогда можно будет говорить о чем-то всерьез. За год многое изменится, их признают соседи, они будут заключать союзы...

Да, союз.

С Ативерной он невозможен. Это понятно, кто-то должен выступить в роли злодея. Почему бы и не ативернцы? Очень уж удобно...

И король туда съездил, и со свадьбой темная история, и как посольство приехало, так все и началось...

Возможно, удастся заключить союз с Ивернеей... но посольство ивернейцев оказалось пустым, словно орех. Как и ативернское.

М-да...

Авестер?

Обязательно...

К счастью, у нее четыре дочери. Ни одна из них не станет

соперницей сыну, но замуж их выдавать нужно. В подходящие страны, вот.

Четыре дочери... а старшую пока еще не нашли. Где она может быть? Что с ней?

Нет, не так.

Кто сейчас с ней?

О жизни или здоровье Марии Альбита вообще не волновалась. Никак.

Подумаешь – дочь? Она ее больше десяти лет не видела, может, и еще столько же не увидит, было б о чем горевать и печалиться! А вот остальное...

Именно Мария должна была стать залогом дружбы с Ативерной. И если ей удастся туда добраться...

Это – война.

И Мария станет ее живым знаменем. А воевать Альбите не хотелось. Хотелось двух вещей – мести и власти.

Первую она почти получила, осталось увидеть голову Милии. Альбита даже пощадила бы ее детей, честно говоря. Отдать их на воспитание в бедные семьи, а там уж пусть Альдоннай решает, прибрать или оставить. Это только в сказках ребенка оставляют на воспитание крестьянам, он решает найти своих родителей, сбегает, становится рыцарем или спасает короля, всего добивается, женится на принцессе...

В реальности такие дети не уезжают дальше своей деревни и счастливы там. Живут, растят брюкву, или что там выращивают эти навозные черви?

А, неважно... Не о том речь.

А вот о власти...

Если будет война, Альсин вообще всю власть загребет в свои руки. Альбита этого не хотела.

Она хотела балов, развлечений, блеска, шика, всего того, чего была так долго лишена по милости бывшего супруга... и она это получит!

Уже получает!

В свете звезд блеснули бриллианты в перстнях. Альбита полюбовалась их сверканием и довольно улыбнулась.

Да, это она. Она наконец-то взяла реванш за все свои страдания!

Блеск бриллиантов успокаивал, завораживал... Альбита перевернулась набок. Полюбовалась кольцами еще раз, потом взяла с туалетного столика браслет, повертела в пальцах...

Так, с браслетом, она и уснула. Крепко и сладко, как человек с полностью чистой совестью и душой.

Эдвин Фремонт ураганом ворвался в здание посольства Ативерны.

А мог бы и не врываться, все равно там никого не было. Томас Конкор, получив весточку, не собирався оставаться на закляние, и народ собирал в ускоренном темпе.

Так что остался барон Фремонт у разбитого корыта, при-

чем обидно разбитого. Томас вывез все, до чего руки дотянулись. Ценного, конечно.

Мебель не забрал, а ковры вполне успел. И гобелены, и подсвечники из серебра, и столовые приборы, и даже личные вещи всех господ.

А что?

Между прочим, обозники – это такие специальные люди, которые за полчаса слона упаковать могут. Тот и не дернется, у них работа такая.

Сейчас у Томаса было больше, чем полчаса, и он воспользовался ими от всей души.

Так что барону оставалось носиться по посольству, пинать любезно оставленные ему табуретки и ругаться в три этажа с чердачком.

Увы – не помогало.

Альдонай не слышал, Мальдоная не отзывалась.

Придется идти, отчитываться герцогу, что птичка улетела. Более того, дураком Эдвин не был, и соображал быстро. Но сейчас мысли не доставляли ему никакого удовольствия.

Кто мог предупредить посольство?

Да только кто-то из сбежавших. Либо Джерисон, либо Лириан Иртоны.

Вот сволочи!

Эх, надо было тогда не соблазнять графиню, а шею ей свернуть. Но кто ж знал?

Барон еще не знал, что стоило ему уйти, как из потайных закутков выбрались Джек и Реми,

Переглянулись.

Ну и какие вам еще доказательства надобны?

– Я к хозяевам. Со мной сходишь? – попросил Реми.

Джек кивнул.

Сходит. И расскажет о том, что видел и слышал. Барон Фремонт был несдержан и давал волю языку. И дохлого (помилуй, Альдонай!) короля поминал, и много чего еще...

Подумать – и то страшно.

А уж оказаться в этом кошмаре...

Остается только Альдонаю молиться. Авось, спасет и бережет.

Виконт слушал и мрачнел.

А потом принялся распоряжаться.

Если такое происходит... лучше всего пока оказаться подалее от столицы.

Кто там, как, кому мстить, что делать...

Успеем, разберемся! Для начала надо, чтобы тебя не убили. И...

– Я могу вас нанять?

Джек подумал пару минут.

– Я поговорю с Томом. Нам все равно надо выбираться из

города, думаю, мы сможем быть полезны друг другу, ваше сиятельство.

– Я буду ждать вас через два часа. Одного или с Томом. Джек поклонился – и улетучился.

Через два часа он вернулся с хорошими для виконта вестями. А еще через четыре часа в Кардине стало на несколько беглецов больше.

Довольны были все.

Доволен был виконт Дишан – он узнал, что происходит и обезопасил себя и своих близких. Кстати – послав весточки кое-кому из знакомых. Пусть дальше сами думают, а он предупредил. Не внемлете?

Ваши проблемы.

Доволен был Джек, получив очень хорошую сумму от Дишана.

Доволен был Реми, так же получив благодарность от господина. Пока – в денежном эквиваленте, но и другие милости ему обещаны были.

Доволен был Том. Он оказал услугу одному из знатных уэльстерских сановников, если все образуется, этого не забудут. А если нет...

Тогда ему и так все припомнят, спасай кого, не спасай.

Виконт Дишан не собирался полагаться на милость Альдоная. Он сам позаботится и о себе, и о своих близких, а дальше видно будет.

Если не объявился отец, если не прислал весточки, если...

можно смело предполагать худшее и считать себя главой семьи. Виконт искренне надеялся, что отец жив, но...

Ему-то с того не легче! Надо спасти мать, жену, детей, да и фамильное достояние в виде драгоценностей тоже неплохо бы вывезти. Так что распоряжаемся, а дальше будет видно. Как показало будущее, виконт рассудил совершенно правильно.

Альсин не сразу подумал об остальных Дишанах, но когда к обеду следующего дня за ними пришли, оказалось, что птичка упорхнула. И даже гнездо за собой вычистила.

Дишан последовал примеру ативернцев и выгреб с собой все мелкое и ценное, а крупное припрятал получше. Поживиться в этом особняке наемники могли только мебелью, но что с нее прибыли?

Ничего.

Ни людей, ни денег.

– Вылезайте, ваше сиятельство.

Лилиан с трудом выбралась из-под навеса, потирая отбитые бока.

Милию вытащили на руках, она настолько ослабела, что сложно было даже двигаться. Такие нагрузки да после родов! Да до родов...

Ей бы полежать пару суток в уютном месте, а вместо этого...

Песец!

И нет другого слова. И мнения тоже нет.

Ее величество уложили на несколько плащей, и занялись остальными.

Один за другим вылезали эввиры, Рута кинулась Лиле на шею с плачем.

– Я так боялась! Я ТАК БОЯЛАСЬ!!! ВЫ ЖИВЫ!!!

Больше у нее и слов-то не было. Лиля принялась гладить девушку по темным косам, думая, что Гэл с ее утешением справился бы лучше. Ну да ладно, не все сразу. Зато он теперь спаситель, герой и рыцарь, а остальное приложится.

Впрочем, долго Руте рыдать не дали. На шее у Лили повисла дочь, налетели собаки, и хохочущая графиня оказалась лежащей на траве, причем ее активно нацеловывали и вылизывали аж с трех сторон. Прошло минуты три, прежде, чем Лиля смогла подняться. И то, Миранду от нее отодрать не удалось, прижалась, повисла на шее, и утихла. И становилось ясно, что от мамы она отцепится не скоро.

Мастер Сальси поклонился Лилиан первым.

– И вновь вы спасаете нас, ваше сиятельство.

Лилиа махнула свободной рукой.

– Оставьте, мастер. Вы спасли мою дочь, а если я смогла помочь вам... будем считать взаимозачетом. Вас не затруднит обращаться ко мне по имени? Сэкономим время.

Мастер открыл рот, потом подумал, закрыл его и поклонился.

– Корт Сальси, к вашим услугам, Лириан.

– Мы все здесь в одной лодке. – Лиля не стала тянуть время и решила провести короткое производственное совещание. Пока дамы занимаются слезоразливом и проверкой детей, а мужчины разминаются после отлежки в телегах. – С вашего позволения, Корт, я проясню ситуацию, а потом мы вместе будем принимать решения.

Мастер Сальси кивнул.

Кое-что он уже понял по обрывкам объяснений, но этого было совершенно недостаточно для принятия решений. Подробности бы.

Как известно – Мальдоная прячется в деталях, как змеиный хвост в траве. Не наступишь – не увидишь. А наступать-то и не хочется, цена – жизнь. И ладно бы своя, а то детей, внуков, да и вообще, его народа. Того, который в Уэльстере.

Так вот исторически сложилось, что эввиров всегда бьют. За что?

А было б за что, вообще б перерезали под корень.

За свою веру, за отличие от других людей, за благосостояние, за... да перечислять долго. Просто если все такие, а кто-то не такой, то его и надо за все бить, чего тут сложного?

Вот и достается эввирам.

Он, конечно, клич кинул, и знал, что сейчас происходит в эввирском квартале.

Кто-то прячется в убежища.

Кардин – старый город. А где старый город, там и старые дома, и подвалы, и катакомбы. И в них отлично можно спрятаться, хоть на месяц, если есть запасы. А запасы есть.

Почему сам мастер там не прячется?

А вы пробовали из подвала контролировать ситуацию и отслеживать окружающую вас обстановку? Нет получится, необходима свобода передвижения, маневра, сбор информации, ее анализ... да много чего надо. Это сидя на месте не провернешь.

Часть эввиров расплзлась по друзьям и знакомым, по одному-два человека.

А кто-то, как и он, собрав скарб и понадежнее спрятав самое ценное, потихоньку покидает город. Дело совершенно житейское.

Когда начнут бить, прятаться будет поздно, так что...

Послушаем, что расскажет ее сиятельство.

– Ваше величество, вы позволите?

– Да, – донеслось с плащей.

Мастер Сальси присвистнул. Правда, мысленно.

Ее величество Милия?

Ох ты ж ёж! Твою же Мальдонаю!

А тут что ни скажи... видел он королеву, по праздникам, и в лицо знал, работа такая. Просто поди, признай ее сейчас, в таком-то виде! Так что же случилось?

Лиля не стала тянуть кота за хвост.

– Прошу всех присесть и не отвлекаться. Этим вечером

был убит его величество Гардвейг.

Хорошо, что мастер Сальси послушался графиню и заблаговременно сел. А то бы и шлепнулся, где стоял. А Лиля рассказывала, спокойно и методично, о том, как негодяи напали на короля, как пытались прорваться к королеве и ее детям, как король ценой своей жизни заслонил дорогу убийцам, выгадав детям и жене немного времени, как они бежали через потайной ход. Как у Милии начались роды, и ей пришлось принимать малыша. Как она дала весточку вирманам.

Спокойное лицо, сухие глаза, только рука движется, поглаживая дочь по спине, успокаивая малышку. И Корт это оценил.

Ни криков, ни слез, ни истерики, спокойное изложение фактов и видение ситуации. Именно с точки зрения Лилиан Иртон, что она и обговаривает.

Это вызывало уважение.

– Теперь мы здесь и все вместе. Выход у нас только один, добраться до Летнего дворца, там стоит полк графа Шантена. Если справимся, будем под защитой, а там можно и обратно в столицу. Разбираться с заговорщиками с применением военной силы.

– Вы думаете, это заговор? – мастер Сальси пристально смотрел на графиню.

Та рассказывала об ужасных вещах, но абсолютно спокойно. Словно... словно и похуже видела.

Но откуда?

Ей лет-то... она же вдвое моложе, а может, и побольше, чем вдвое! И это не шок, это Корт отлично видел! Это просто такое отношение к жизни.

Невероятно!

Лиля улыбнулась мастеру краешком губ, глаза в этой гримасе не участвовали.

– Глупо убивать короля, если не хочешь посадить на трон кого-то своего. Не сомневаюсь, что нас уже ищут. Но... если поторопимся – не найдут. Беда в другом. Быстро передвигаться мы можем только верхом, а вот ее величеству Милии нельзя даже думать о подобном.

– Я смогу, – попыталась сказать что-то королева, но Лиля так сверкнула глазами, что мастеру даже страшно стало.

– Трех детей сиротами оставить? Сможешь. Давай я тебе сразу ножик дам, так оно быстрее будет! Я еще не знаю, каким богам молиться, чтобы у тебя воспаление не началось, чтобы заразу никакую не занесли...

Мастеру стало страшно вторично.

Даже не так...

Лилиан говорила... иначе.

С королевами так не разговаривают. С ними люди обычно почтительны, они понимают, что король властен в жизни и смерти каждого, ну и королева тоже. Сейчас особенно, если Гардвейг мертв. Но Лиля искренне считала, что главная здесь она. Или даже не так...

Она считала, что равна королеве.

Мастер даже и не сомневался, что и рывкнет, и отчитает, и... да разве можно так? Кошмар какой! Так-то Лилиан спокойна и вежлива, но в какой-то миг она напрочь забывает о... обо всем забывает.

Лиля поймала взгляд мастера Сальси, и вздохнула. Да, не получается у вас в роли сидеть, ваше сиятельство. Стоит оказаться в критической ситуации, и прет из вас Аля Скороленок. То есть – медик двадцать первого века. Совершенно другая модель поведения.

– Прошу простить меня за резкость, – извинилась Лиля. – Ваше величество, я не затем вас спасала, чтобы сейчас вы померли.

– Все в порядке, – шелестнуло с плащей. – Графиня, вы правы, я не подумала о последствиях.

– Разберемся, – Олав махнул рукой. – По старому способу попробуем, носилки приладим.

– Это как? – прищурилась Лиля.

– Мы так делали. Два коня, между ними носилки...

Лиля почесала нос, припомнила Карла Двенадцатого, которого вроде так под Полтавой и носили, подумала пару минут.

– А не окажется в итоге королева на земле?

– Не первый раз, ваш-сиясь, – ухмыльнулся Олав. – дерево есть, веревки взяли, сейчас спворим. Качать будет, это да, но мы привычные.

– Вы-то привычные, но ее величество так еще хуже рас-

трясет, – вздохнула Лиля. – Нет уж. Давайте хоть одну телегу, но оставим. Для самых слабеньких. Да и младенца так перевозить, и малышню... телега должна оставаться. Максимально ее облегчить, соломы напихать, или еще чего, что в деревне найдется... сможем?

– Чего тут сложного? – пожал плечами вирманин. – Сделаем. Оно и быстрее будет.

Лиля улыбнулась Олаву. Золото, а не люди! Таких на вес бриллиантов ценить надо, и то мало будет!

– Гав, – вежливо сказали рядом, подсовывая под руку мокрый нос и пушистую голову. Нанук требовал еще раз подтвердить, что любимая хозяйка здесь и рядом.

Лиля потрепала любимого барбоса.

Ляля, Нанук, Мири...

А, в любом порядке. Они спаслись, они здесь...

Берта в это время утешала принцев. Старших, младшего подсунули матери, чтобы не орал. Смотрела и думала, что им повезло. Недостатки своей любимой Милли она прекрасно знала. Замечательная она женщина, но нерешительная до слез. Так бы и сидели они сейчас в потайном ходе.

А так, Альдонай поможет, и до своих доберутся.

Да уж, что бы они делали без Лилиан Иртон?

Мастер Сальси кашлянул.

– При всем уважении... у нас лошадей не хватит.

Олав фыркнул.

– У нас есть деньги. А рядом пригород. Сходим сейчас, да

купим, дел-то!

Блеснуло золото, рядом лег здоровущий вирманский топор. Мастер Сальси кивнул, понимая, что тут – да, не поспоришь. И продадут, и еще поблагодарят за честную торговлю.

Кажется, Лиля подумала о чем-то таком, потому что вздохнула и потянула с руки остатки колец.

– Мастер Сальси, я подозреваю, что денег у моих людей не слишком много. Можете ли вы ссудить нам некоторую сумму под залог украшений?

– Ваше сиятельство!!! Лилиан!!!

Мастер даже слов сразу не нашел. А потом просто снял с пояса кошель и протянул графине.

– Я и так... жизнью...

Лиля вздохнула.

Потом встала, подошла к мастеру, вложила в его ладонь свои кольца и крепко сжала кулак мужчины.

– Не спорьте со мной, мастер. Мы сейчас ввязались в жуткую авантюру, которая может кончиться для меня лично плахой. Ну, или чем похуже, плаха – это чистенький вариант. Что с нами сделают, с королевой, с принцами, со мной... давайте о кошмарах не думать. Может, я и смогу отплатить вам добром за добро, а если нет? Примите эти украшения как свою... страховку.

– Страховку?

– Я вам потом объясню суть явления, – усмехнулась Лиля. – И давайте без красивых поз, деньги нам еще пригодят-

ся.

– Я тоже так думаю, – поддержал Гэл. – Мы тут захватили кое-чего перекусить, может, пока мы за конями прогуляемся, дамы перекусить приготовят?

– Замечательная идея, – обрадовалась Лиля, понимая, что голодна. – Где там припасы?

Следующие два часа прошли весело.

Заняты были все. Женщины – готовкой.

Мужчины делали носилки для королевы, благо, вирмане объяснили, как это должно выглядеть. Обихаживали коней, разбирали телеги и убрали мусор, чтобы никто не связал их остановку с выездом из города. Мастер Сальси прибился к той группе, в которой была Лириан, получил разъяснения насчет страховки, и задумался.

Идея-то богатая.

Но как ее реализовать? Вот вопрос? Крыша нужна...

Мастер покосился в сторону королевы.

Можно подумать. А пока...

Были кое-какие копчености, была крупа, были овощи...

Из всего этого кое-как сварили суп, первой накормили Милию, потом поели все остальные и стали ждать. Вирмане надолго не задержались.

Кони были далеко не строевые, такие крестьянские лошадки, низенькие и лохматые, непритязательные, но кре-

пенькие и выносливые. К сожалению, на всех их не хватило бы. Чай, не пять человек, а почти тридцать. Пришлось-таки оставить две телеги, но в каждую запрячь по паре лошадей. Так оно быстрее будет.

Мужчин по седлам – и вперед.

Милию с младенцем и детей пристроили по телегам, а эв-виры вполне прилично ездили верхом, кстати говоря. Даже дамы, без малейших споров сели в мужские грубые седла, а что ноги до колен видны...

Ничего. Пусть кто хочет, тот и смотрит, сейчас не до приличий, в живых бы остаться.

Задерживаться рядом со столицей, пусть даже в паре часов пути от нее, просто нельзя, это все понимали. Единственное их спасение – в скорости.

Ну и молиться Альдонаю. Авось да поможет.

Лиля тряслась в седле, думала о Лидархе, и мысленно желала заговорщикам опаршивать и оплешиветь. А потом еще попасться ей в руки... ненадолго, на полчаса.

Она ж не садистка, да и грамотно препарировать человека не умеет...

А надо бы.

Привязать – и наживую.

Говорят, так в некоторых странах сейчас с преступниками поступают. Приговорили тебя к смертной казни? Ну и чего

свинец тратить? Наоборот, каждый казненный – это склад ценных органов. Печень, почки, роговица...

Анестезия?

А ты как убивал-то, милоч? С анестезией, али без? Без? Тогда и сам потерпи уж, болезный, недолго мучиться будешь. И поделом.

Привязали – и в дорогу.

Здесь до трансплантации еще не дошли, но ей-ей, паразиты, из-за которых она уже часов двенадцать чувствует себя, как кошка с подожженным хвостом, стоят трепанации или препарирования без наркоза. Как раз и потренироваться.

От медицинских процедур на заговорщиках мысли Лилиан перескочили к королеве.

Милия ей не нравилась.

Чутье врача звенело и гремело. Можно сказать, она печенкой чуяла неладное.

Вроде бы и температура не намного выше нормы, и кровотечение... ну кто сказал, что оно прекращается сразу после родов? Да вот ни разу, потом еще пару недель маешься, а то и побольше.

Вроде бы пока неприятностей нет.

Но Лиля бы левое ухо отдала за возможность устроить женщину в нормальную кровать, положить ей лед на пузо, понаблюдать за состоянием...

Так до Летнего дворца Милия ехала пару дней.

Но это двор, кареты, остановки....

Полцарства за коня?

Карту мне, черт побери!

Карту и компас!!!

Вот где полцарства-то отдашь! И карту с масштабом... ну почему она не изучала топографию? Остается лишь ждать и молиться. Молиться и ждать...

И ехать.

Больше всего на свете Лиля не любила ситуации, в которых от нее ничего не зависело. И Джерисон...

Так!

Молчать, сердце! Слушать печенку! И думать о Милии. Так оно спокойнее на душе. Точка!

Альтрес Лорт готовился выступить.

И напряженно размышлял об одном обстоятельстве.

Куда выступить-то?

Приезжает он, такой красивый, во главе пятисот солдат, в столицу, и Гардвейгу с порога: «братец, у тебя тут заговор. Кажется...».

Первый вопрос будет – и кто тут заговаривается?

Если вообще будет. Если брат его с порога табуретом в лоб не встретит за такое появление. А может. И стоило бы.

Приказ нарушил, в столице появился, пока посольство не уехало, войска с собой привел...

Да, сначала Гард ему оторвет голову, а уж потом говорить

будет.

И что делать?

Остановиться где-нибудь под столицей и послать брату письмо с надежным человеком. Вот и все.

А где?

Альтрес напряженно размышлял. Вариантов было не так много, к примеру, крепость Шедар. Да, остановиться там можно, и удобно, и дороги там сходятся.

Есть один минус.

Если заговор и правда есть, козе понятно, заговорщики мигом узнают о приезде Лорта. И что они сделают?

Либо нанесут удар тут же, если готовы, либо спрячутся так, что их не найдешь.

Это невыгодно.

А куда еще можно податься?

Альтрес вспомнил, что ему говорил маркиз. А ведь...

Летний дворец?

Есть плюсы, есть минусы.

Плюс – там уже стоит Панцирный полк, который можно взять под начало. Шантен королю предан, и знает Лорта давным-давно. Знает, что Альтрес ничего плохого Гардвейгу не сделает.

Минус?

Если заговор есть, удар будет направлен именно на Шантена. И наверняка, в Панцирном полку есть люди заговорщиков.

Но...

Сразу они своих не оповестят, время у Альтреса будет. А то и вычислить их получится...

Можно бы и еще к кому заявиться, но знать бы, кто в заговоре? А то так постучишься с порога, и вляпаешься с него же.

Да, пожалуй – Летний дворец. Глядишь, завтра там и будем, к вечеру, если повезет.

Альдонай, помоги мне не опоздать? А?

Сам знаю, что гад, что неверующий, и все остальное я тоже знаю, но ты все равно помоги. Не ради меня, а ради Милли и детей. Они-то уж точно ни в чем не виноваты, даже если нам с Гардвейгом и поделом будет!

Глава 2.

Переговоры и переезды

Вирма. Земли клана Оронстег.

Вот уж чего не ждал, не гадал Вулф Оронстег, так это визита Брана Гардрена.

То есть визит-то он ждал, отец еще когда весточку прислал с голубем, но чтобы – так?

Клан Хардар?

Клан Торсвег? Или просто Эльг Торсвег?

А кто еще?

А нет ли предателя и в его клане?

Разум просто вскипал, и было отчего. Сидящий рядом Бран посмотрел на Вулфа с искренним сочувствием.

– Досталось тебе...

Оронстег потер лицо ладонями. Помогало плоховато.

– Гардрен, что теперь делать?

Бран вздохнул. А что тут делать? Наследника Оронстег взял с собой в Круг, чтобы учился, осваивался, а Вулф... память у Гардрена была идеальная, и он прекрасно помнил, что из себя представляет Вулф Оронстег.

Преданный, добрый, но глуповат, да. Есть такое. Идеальный второй, но при наличии первого, сам об этом отлично знает, наперед не полезет, честолюбия лишен напрочь, за что

всегда будет иметь свой кусок хлеба с маслом.

Ладно, раз уж он тут...

– Вулф, тебе надо срочно оповестить весь клан. Если Хардар решили переделить Вирму, вы-то соседи. Вы первые окажетесь у них под ударом.

– Да я... Я сейчас всех подниму!

– Это первое. Второе – надо отправить нескольких голубей в Круг. Нескольких, Вулф, не одного. Может, хоть кто да долетит. И пару гонцов бы тоже. На всякий случай. Письма я напишу, уж распорядись, чтобы мне принесли пергамент и чернила.

Вулф кивнул.

Пока все было логично и понятно.

– Приставь к ее высочеству Анжелине пару служанок и охрану. Она принцесса, случись что – мира с Ативерной нам не видать.

– А...

– Когда мы уберемся отсюда?

– Эээээ...

Так сказать Вулф не мог, это понятно. Долг гостеприимства. Сам погибни, но гостя спаси. Да и спокойнее ему было рядом с Браном. Гардрен был потрясающе харизматичным человеком. Такой мог бы и ханганам песок продать. И в отличие от Вулфа, он точно знал, что делает и что надо делать.

Обратная сторона – если бы не Бран, беда не постучалась бы в ворота клана Оронстег еще....

А сколько?

Месяц? Два?

Вулф не питал иллюзий, если начнется война всех со всеми, ему тоже не уцелеть. Что ж он, мразь какая, отца с братом продавать? А главу клана Оронстег вполне устраивал и Олав Хардринг в качестве главы Круга, и царящий сейчас на Вирме порядок.

Так что... чуть раньше, чуть позже, накрыло бы всех. Вулф был достаточно умен, чтобы это понимать.

А вот что именно надо делать он не знал. И потому внимательно слушал Брана. А когда они уедут?

Да как только будет безопасно. Здесь, как ни крути, они под охраной целого клана. А в дороге?

Еще раз попасть в засаду? Спасибо, первый раз чудом уцелели, теперь второй раз рисковать? Нет уж. Самоубийц Холлош не одобряет, а это чистой воды самоубийство и есть.

Такие доводы Вулф отлично понял.

Что ж, остается разослать голубей – и ждать.

Анжелина сидела в отведенной ей комнате. Бран постучал и вошел.

– Разрешите, миледи?

– Прошу вас, Бран.

Ах, как она была похожа сейчас на вирманку. С волосами, заплетенными в косу, и перевитыми лентой с жемчугами, в

обычном вирманском платье – другого наспех не нашлось, и на миг захотелось обмануть самого себя. И увидеть в ней не принцессу – женщину.

Нельзя. Ничего нельзя.

– Все в порядке, миледи Анжелина. Но пока не придет ответ от Олава, мы остаемся здесь. В клане Оронстег, под надежной защитой и охраной.

– Здесь? – ахнула Анжелина. Бран посмотрел с укоризной.

– Миледи, я не подвергну вас опасности еще раз.

Анжелина встала с кровати, на которой сидела, прошла по комнате, остановилась совсем близко, на расстоянии вытянутой руки и повернулась к Брану.

– Но я была в безопасности. С вами!

Бран улыбнулся.

Милая девочка, дорогая, бесконечно любимая... если бы ты знала, скольких я убил. Скольких еще убью, чтобы ты была в безопасности...

Ты бы с криком отшатнулась от меня.

Жрецом Холоша не становятся просто так. Я не просто по локоть в крови, я живу по горло в ней последние годы, и ни о чем не жалею. Но даже если бы и не так...

Я ничего не могу тебе дать. Я женат, я не брошу свой клан, я привязан к Вирме накрепко и этих уз не разорвать. Я не смогу предать тех, кто мне доверился.

Но пусть у меня останутся хотя бы воспоминания? И на старости лет я буду перебирать их, словно драгоценные кам-

ни.

Твоя улыбка. Твои чудесные сияющие глаза. Прядь золотых волос, упавшая на нежное лицо.

Ах, Анжелина. Я бы продал душу Холошу, чтобы быть с тобой. Хоть слугой твоим быть, лишь бы видеть тебя. Но моя душа и так ему принадлежит. Мне нечего предложить богам.

Увы...

– Миледи...

– Бран, хватит меня титуловать! После всего, что мы пережили вместе, это звучит нелепо!

Бран сдвинул брови. Ладно, пусть так, в любом случае он настоит на своем.

– Анжи, я не стану тобой рисковать. Это не обсуждается.

– Но там Ричард!

– В отличие от тебя, он мужчина и знает, с какого конца братья за меч. Чем ты ему поможешь, оказавшись рядом?

– Он не будет за меня бояться.

Бран улыбнулся.

– Сейчас он тоже не будет бояться. Клан Оронстег один из сильнейших. Олав будет знать, откуда идет опасность, они вместе справятся. А я буду защищать тебя.

Анжелина сделала шаг вперед, коснулась руки Брана. Мужчина вздрогнул, как от ожога.

– Я тебе верю. Делай, что должен.

– Обязательно. И... Анжелина, здесь Вирма, нравы у нас проще. А вот у вас... если узнают, что мы провели больше

суток наедине, что будет?

Анжелина побледнела.

Она не думала о приличиях, спасая жизнь. Но те имеют гадкое свойство догонять и кусать за пятки.

Ах, вам жизнь спасали? И в каких позах?

Она прямо-таки слышала злобные ехидные голосишки придворных. Пальцы сами собой сжались в кулаки, потом расслабились. Анжелина все же была принцессой.

– Не думаю, что кто-то об этом узнает.

– Зря. У молвы длинные ноги и быстрые крылья. А в свете сближения с Ативерной... слово там, сплетня тут... я не могу этого допустить.

– И что же мы сделаем?

– С нами была кирия Эдайна.

– Да. Но...

– Анжелина, я уже распорядился. Мы пришли втроем. Она изнемогала от ран, но была с нами. Вулф уже отправил людей на берег, пусть ее тело перенесут сюда.

Анжелина поежилась.

– Тревожить могилу?

– Мертвым уже все равно. А живым – нет.

Бран был безумно практичен. Впрочем, будь он другим, Анжелина не полюбила бы его так. Принцесса...

Это в сказках принцесса влюбляется в дурачка и живет с ним долго и счастливо. А в жизни... в жизни с дурачком скучно. Тошно, неинтересно, с ума сходишь от тоски. И ни-

какая великая любовь не заменит общности разумов и душ. С любимым-то не только в постель ложишься, или там, как в сказках, на печи катаешься. С ним еще разговаривать надо.

С ним надо дышать одним воздухом и жить одними идеалами.

Нет этой общности?

Ну и любовь ваша повянет при первых заморозках. Это же естественно, плотское влечение должно подкрепляться духовным, или – оно бессмысленно. Оно будет опускать человека на уровень животного, а мы, вроде как, считаем себя выше скотины, чтобы спариваться в каждом углу, как только зачесется?

Анжелина такими категориями не размышляла. Она просто была принцессой, которая с детства воспитывалась в атмосфере дворцовых интриг и сплетен. И Бран был ей понятен.

А вот какой-нибудь высоконравственный юноша в сверкающих доспехах...

Кто знает?

Но вряд ли, благородство вообще во дворцах не выживает. Его там травят, ненароком перепутав с клопами. Кусачая это штука, знаете ли, честность и рыцарство. И очень неудобная.

– А... чем тут заниматься?

Бран от души рассмеялся.

– В клане Оронстег замечательные ювелиры и портные. И отличная библиотека, кстати.

Библиотека вызвала больший интерес. Анжелина поблагодарила и робко попросила:

– Бран, а можно меня поучить стрелять из арбалета? Не хочу больше быть беспомощной...

– Конечно, – согласился Бран.

Действительно, непорядок.

Его принцесса ведь не сможет себя защитить в сложной ситуации, а так нельзя. Так неправильно. Надо ее поучить.

Стрелять, бить кинжалом, да и про пару ядов рассказать. Не отпускать же ее в Ативерну, такую беззащитную?

Где-то на Вирме

Йан Гардрен медленно ехал впереди.

На второй лошади, за ним, ехала Рит, держа на руках маленькую Хильду. За ними плелись еще две лошади и три козы. К хвостам последних были привязаны еловые ветви.

Много ветвей.

Не так, чтобы козам было тяжело идти, но все-таки...

И копыта лошадям мальчик обмотал, вспомнив рассказы отца и брата, и песчаных мест старался избегать. Он доберется до клана Хардринг и все расскажет отцу.

И живые позавидуют мертвым.

Земли клана Хардринг.

– От Анжелины нет вестей.

Ричард искренне тревожился. Тира сидела с ним рядом и

гладила по руке. Плевать ей было на сплетни, она кирия, и может их забить в глотку любому. Вместе с зубами.

Хотя Олав с этим наверняка успел бы раньше.

– Это Вирма. День-два... это обычно.

– Насколько обычно? – хмурился Ричард.

– Им идти под парусом, против течения. Многое зависит от ветра. От погоды. Да и дорога, все же. Мало ли что может случиться? Те же мели, те же камни...

Ричарда это не слишком успокаивало.

– Ветер дует с моря.

– У нас. А в середине острова?

Ричард хмурился и переживал. А Тира знала лишь один способ отвлечь его. Поцелуем...

И охотно этим пользовалась к обоюдному удовольствию.

Она видела, какими глазами смотрит на нее Эльг Торсвег, понимала, что беспокоится мать, но ничего не могла с собой поделать.

Любимый здесь и рядом, она не сможет от него отказаться.

Пусть хоть час, но это – ее час!

А чужая ненависть...

Она, конечно, обжигает, но рядом с пламенем любви ее огонь какой-то хилый и неубедительный. Можно и не замечать.

– Когда?

– Завтра ночью.

– Не успеем.

– А когда?

– Хотя бы через сутки. Побольше людей соберем, наши подтянутся.

Четверо мужчин не впервые собирались в этом месте.

Тихо, спокойно, укрыто со всех сторон, единственный минус – не видно, если кто-то придет следом. Но можно выставить часовых – теперь они так и поступали.

Научились на собственном горьком опыте. Последствия ликвидировали, но подставляться второй раз никому не хотелось. Тем более – сейчас.

Когда готовы уже корабли с людьми, когда наточены топоры, когда пара шагов, кажется, осталась до окончательной победы...

– С ативернцами осторожнее, – в очередной раз повторил один из мужчин.

Второй скрипнул зубами, и это не осталось незамеченным. Третий положил ему руку на плечо.

– Эльг, ты сам все понимаешь.

Эльг понимал.

И про осторожность, и про мир с Ативерной – какая, в конце концов, Эдоарду разница, кто сидит на Вирме? Ему лишь бы мирные договора заключить, а с кем?

Это внутреннее дело острова.

Круг – это Круг.

А если Хардринга не остановить сейчас...

Гардрен был и прав и неправ одновременно. Бран послушал толчком для изменений на Вирме, понимая, что остроуму, в таком виде, существовать сложно. Развиваться, идти вперед...

Веник силен в связке, а прутиком ничего не сделаешь, даже на песке толком ничего не напишешь.

Бран долго шел к своей цели – объединить Вирму под одним сильным правителем.

Интриговал, подкупал... да, он выбрал Хардринга, и не пожалел об этом. Но вот другие кланы...

Вопрос, почему он, а не я, всегда будет актуален. А потом и второй – почему бы не я?

Результат?

Собравшиеся знали, если связку Хардринг – Гардрен не разрушить сейчас, не остановить, то вскоре на Вирме появится король. А им этого не хотелось.

Подчиняться там, где ты был полновластным хозяином?

Нет!

А заодно...

Не бывает подобных мятежей без заботы о личной выгоде. У каждого из собравшихся были свои враги, свои планы, в том числе и на соседские земли, свои мечты о власти, свои...

Торсвег увидел в этом хороший шанс не просто стать главой Клана – войти в Круг. Преумножить свою силу и власть... и все было бы хорошо.

Но...

Тира.

Светлые волосы, громадные голубые глаза, легкая тонкая фигурка, которая, кажется, парит над землей... ей бы не клинок в руки, а букет цветов. Только вот видит она не Эльга.

В этом мире для Тиры Эллейг есть лишь один мужчина – его высочество Ричард Ативернский. Эльг знал, сейчас они вместе, и это лишало покоя. Бесило, раздражало...

Что бы ни случилось, с этой дрянью он поживается!

Ричарда не тронет, за такое Эдоард всю Вирму кровью зальет и подожжет, чтобы горело жарко, но с этой дрянью...

Она ему еще ответит!

Мысль о том, что Тира и не подавала ему никаких надежд, Эльгу в голову не приходила. Подумаешь!

Не оказалось бы рядом этого смазливца, никуда бы девчонка не делась! Легла бы, как миленькая! А тут... при-и-инц...

– Я помню о нашем плане. Ативернцы не пострадают, слово Торсвега, – отозвался Эльг после паузы.

Мужчины перевели дух.

Все же, в бою, каждый из них хоть ненадолго, но терял разум. Каждый из них знал, что такое опьянение смертью и кровью. Каждый рисковал, если Торсвег сорвется.

– Вот и отлично, – подвел итог глава клана Хардар. – Значит, через сутки, край, через двое, как дадут знать с кораблей...

Сутки или двое?

Значительная разница, особенно когда заговор может вскрыться в любой момент. О чем и сказал третий.

– Долго ждать...

– Зато от Гардрена избавились.

– Нам пока ничего не известно.

– Не мог он уйти. Не мог. И вообще, теперь чего тянуть?

Голубь из клана Хардар еще не прилетел. Да и вестей о клане Гардрен пока еще не было. Гардрены – опасная дичь, такую просто не заполевать. Время требуется.

Вот никто и не волновался.

А день...

Так сколько ж тянуть-то можно?

Пора убивать.

На Вирме наступало время перемен. А к добру ли, к худу...

Заговорщики считали, что для них это только к добру. А значит – вперед.

Уэльстер, окрестности Кардина.

Лиля поглядывала на Милию.

Да, королева ей активно не нравилась. У нее подскочила температура, и Милия большую часть времени проводила в полуобмороке. Лиля с радостью дала бы ей наркоз, но не было!

Даже на опиум согласилась бы, даже на дурман...

Не было!

Женщина коснулась пятками боков лошади и догнала Гэла.

– Мы будем проезжать мимо деревни?

– Должны, ваш-сиясь.

– Гэл, позарез нужна или коза, или кормилица.

– Хм?

– Подозреваю, если у Милии начнется воспаление, ребенка она кормить не сможет. А без молока... думаешь, нам простят, если принца уморим?

Вирманин серьезно кивнул.

– Сделаю.

Мастер Сальси, который прислушивался к разговору, подъехал поближе.

– Лилиан?

– Да, Корт?

– Ривана недавно родила. Она своего кормит, но у нее молока и на двоих хватит.

Лиля выдохнула.

– Это хорошо. Но коза все равно бы нужна. И... хоть какие бы травы! Хоть что-то у знахарей найдется?

– Что именно поискать?

– Ромашка, календула, шалфей, череда, клевер, чабрец, мята, тысячелистник, ноготки...

Глаза у вирманина стали большие и круглые. Ясно – не запомнил.

– От воспаления, и побольше. Успокоительные, если есть, оххх... да все бери! Все пригодится!

Гэл, получивший четкую и краткую инструкцию, кивнул. Все – так все. И козу. А лучше парочку.

Лиля тяжело вздохнула.

Ночевать им придется в чистом поле. И для Милии это совсем не полезно. Но что она может сделать? Просто – что?

Все ее травы, вся аптечка, все лекарства – все осталось в Кардине.

Убила бы этих тварьских заговорщиков! Вот взяла и убила! Медленно и цинично!

Нашли место и время, сволочи.

И как-то там еще Джерисон?

Настроение и без того не блестящее, испортилось окончательно. И Лиля, чтобы расслабиться и отвлечься, обратила внимание на дочь. Хорошо хоть Мири рядом. Девочка послушно ехала то на телеге, то вместе с мамой на лошади, не капризничала, ничего не требовала, даже неуместными вопросами не доставала...

Вот так и взрослеют дети. Закаляясь, словно сталь, в огне чужих бед. И не убережешь, не сделаешь ничего... а хотелось бы.

Закрыть собой от всего мира, и растить, как тепличный нежный цветок... нельзя. Ну так хоть что-то.

Лиля коснулась губами черной макушки.

Мама рядом, малышка. Мама тебя любит и в обиду не

даст. Любому, если что, голову откусит и выплюнет.

– Мири, ты себя нормально чувствуешь?

– Да, мам.

– Продержись еще чуть-чуть, детка, скоро ночлег, а там и до безопасного места доберемся.

– Продержусь, – согласилась Миранда. – Обещаю. – Помялась немного и тихо-тихо, неуверенно как-то спросила. – Мам, а папа справится? С ним все будет в порядке?

– Конечно, – уверенности в голосе Лили на троих графов хватило бы. – Он у нас самый умный и замечательный, как это он – не справится? Быть такого не может!

Мири кивнула. Для нее все было просто. Мама сказала – мама знает. А вот для мамы...

Граф Иртон в этот момент ругался с лэйром Ольсеном.

– Как так – не дадите?

– Ни одного человека. Ты что – не понимаешь, что это глупость?

– У меня жена там!

– Да у половины наших там семьи! А идти в город нельзя, ты приметный, мигом узнают. И сам пропадешь, и ее подведешь!

– Справлюсь.

– С чем?

– Под нищего оденусь.

Лэйр Ольсен застонал. Ага, под нищего. Да тебя те же нищие на воротах и пришибут. Это своеобразный мир, у них свои законы, правила, и чужаку там ничего не светит. Нужный довод нашелся в единый миг.

– Джес, ты обязан остаться.

– Не обязан.

– Обязан. Ты пойми, если тебя не будет, кто принц – и кто я? Ты-то посол, племянник короля, полномочный представитель, а я просто лэйр. Комендант из захолустной крепости... ведь сопрут принцессу, как Альдонай есть, уведут! И так смотрят, что коты на сало!

Джес вздохнул.

Ричард ему за такое голову оторвет. И дядя.

А там, в городе, Миранда и Лиля. И... как он жить-то будет, если с ними что-то случится?

– Завтра уже выступим, – лэйр Ольсен положил Джерисону руку на плечо, – я распорядился, записочку нашему герцогу послали, мол, крепость захватили, Лазурные в плену, завтра будем. Крепость в порядок приведем, кровь отмоем, перекусим, а то раненых хватает... в лицо они друг друга все знать не могут, переоденемся, и попробуем войти в столицу. А там уж либо Альдонай, либо Мальдонай.

Джес вздохнул.

– Если мои жена и дочь...

– А мы еще одно письмецо-то и отправим.

– Какое?

– Что захватили тут графа Иртон. Пока живого. Без принцессы.

– Хм...

Джес задумался, и кивнул.

Да, при таком раскладе его прикажут привезти к самозванцу. А то и пришлют за ним, еще рассредоточив силы. Это хорошо.

А еще, если Лиля и Мири у Альсина, если они живы, их убивать подождут. Это ж рычаг воздействия на Джерисона!

– Спасибо, лэйр.

– Кровью на войне сочтемся.

Джес улыбнулся. Старая воинская поговорка. Но – приятно. Его приняли, не просто как чужого графа, его считают своим. С чужими так не шутят, ведь завтра ты можешь оказаться с ними на разных сторонах.

– Скоро уже.

– Очень скоро. Пойдем, напишем письмо...

Альдон Петерс не удивился, услышав от секретаря о визите герцога Альсина. Нет, совсем не удивился.

Этим все и должно было кончиться. После вчерашнего-то...

Сам альдон на приеме не присутствовал, но в любом дворце есть ворота, и есть слуги. И нет никакой возможности удержать информацию за стенами дворца.

По каплям просочится.

Сказать, что альдон горевал о смерти Гардвейга?

Да вы, господа, шутить изволите?

Горевать о смерти человека, который в любую минуту мог отправить тебя на плаху? И заменить на другого, более послушного альдона?

Никогда!

Настолько благородство Петерса не простиралось

А вот опасения были. Мало ли... Альсин и с ним может поступить столь же решительно. Запросто.

Поэтому герцога Петерс принял со всей любезностью, распорядился подать вина, и доброжелательно указал гостю на удобное кресло.

– Рад видеть вас в добром здравии, герцог.

– Благодарю вас, альдон. Вашими молитвами, не иначе...

Последовал неизбежный обмен любезностями, но собеседники были слишком возбуждены, чтобы его затягивать. И Альсин переел к делу.

– Завтра к вечеру должны состояться похороны его величества Гардвейга.

– Что ж... все мы смертны. Уэльстер постигло великое горе, но жизнь продолжается, герцог. Не так ли?

Альсин покивал своим мыслям. Этого он от Петерса и ожидал. Примерно этого. Не будет альдон душой радеть ни за Гардвейга, ни за его детей.

– Я надеюсь, альдон, вы не откажетесь отслужить службу,

по ушедшим от нас?

– Это мой священный долг. Надеюсь, ее величество Альбита будет присутствовать на церемонии?

– Да, конечно.

– Я сделаю все, от меня зависящее.

Робер кивнул. И перешел к более сложному делу.

– Через некоторое время придет сын его величества. И ее величества.

– Я буду рад знакомству с молодым человеком, – дружелюбно улыбнулся Петерс.

– И его надо будет короновать.

– Разумеется, герцог. Страна не может быть без короля. Но... вы же понимаете, что в стране не может быть и смуты?

Робер понимал.

– Первого и единственного сына короля.

И новый кивок.

Фактически, альдон назвал свою цену.

Он будет участвовать в этой афере, только если будет полностью уверен в выигрыше. То есть ее величество и их высочества должны умереть. Но это не расходилось с планами Робера, так что герцог кивнул.

– Да... похороны в королевской семье, особенно когда их несколько... это так затратно!

– Такое горе...

Два подонка отлично поняли друг друга.

Осталось только поймать приговоренных. Но это уж точно

дело Альсина.

Альдон Петерс не был бы спокоен, если бы узнал еще об одном факте.

Доверять храмовным крысам?

Да Гардвейгу и в голову такое бы не пришло. Доверять тем, кого ты регулярно травишь? И заставляешь делать, что хочется тебе, а вовсе не им?

И надеяться, что тебя не ударят в спину?

Это уж вовсе солнечная наивность.

Ей не отличался Гардвейг, ей не отличался Альтрес Лорт. А потому...

Секретарь альдона давно был завербован. И прилежно и радостно стучал на своего начальника так, что дятлы в лесу грустно вздыхали от зависти.

Сейчас сигнализировать было некому. Но секретарь все равно прилежно записал весь разговор. Как говорится, был бы компромат, а кому его слить...

Найдем.

Рано или поздно – обязательно найдем.

– Почему ты не хочешь к нам, в Ивернею?

Не то, чтобы Лидия была против Уэльстера. Но... насолить Ричарду она не отказалась бы. Ирония ситуации – он

предпочел ей другую девушку, а брат Лидии увел у Ричарда невесту. Разве это не изящно?

С точки зрения Лидии – весьма и весьма. Вот она и старалась, капала на уши Марии.

Получалось плохо.

Принцесса невозмутимо расчесывала волосы и убеждать-ся не хотела.

– Я слово дала.

– Твой отец. А знай он, как жизнь повернется, может, и выдал бы тебя замуж за Мигеля.

– Сейчас об этом говорить смысла нет, – отмахнулась Мария. – И не стоит меня уговаривать. Я никогда ни на что подобное не соглашусь. Это подлость.

– Это военный маневр! – возмутилась Лидия.

Увы, безуспешно. Мария вздохнула...

– Лидия, я признаюсь честно, хорошо?

– Да?

– Мне просто Мигель жутко не нравится. Он совершенно не в моем вкусе.

Лидия едва не возмутилась, но вовремя заметила веселые искорки в карих глазах. Ах, ты еще шутить изволишь?

– В браке один любит, а второй позволяет себя любить. Лучше быть той стороной, которая позволяет.

– Кто это сказал? – заинтересовалась Мария.

– Лилиан Иртон, моя подруга.

Принцесса резко помрачнела.

– Граф так и не знает, что с ней, с ума сходит от беспокойства... он жену любит.

– Он? Да Джерисон Иртон не умеет любить!

– Ты на него посмотри, весь черный.

– Это он умыться позабыл.

Мария невольно хихикнула.

Да, яда у милых дам хватило бы на отряд королевских кобр. Жаль, нельзя было поменяться, кобры сейчас оказались бы как нельзя более к месту.

– Дамы и господа, позвольте представить вам ее величество Альбиту.

Дворянское собрание.

То, что есть везде и всегда. Просто иногда короли забивают на него большой гвоздь кувалдой и правят сами, а иногда дворянское собрание умудряется подмять под себя короля. А уж как оно там называется...

Сейм, палата пэров, парламент...

Это уже никому не нужные детали. Но в Уэльстере не морочили себе голову.

Дворяне собрались для решения вопросов?

Отлично. Быть – дворянскому собранию.

Сказать честно, при Гардвейге господа собравшиеся играли чисто декоративную функцию, дружно аплодируя любым королевским словам и одобряя любые решения его величе-

ства. И попробовали бы они что-то вякнуть.

Особо умных Гардвейг моментально укорачивал на голову или развешивал в художественном беспорядке. Его это не спасло, но Альсин, кстати, в дворянском собрании и не числился. Оно ему и даром не надо было.

Отняли привилегию?

Подавитесь!

Сейчас он тоже не входил в собрание, он им руководил.

Именно он дал приказ – собрать всех по домам. Именно он распорядился – доставить вежливо, а не бить ногами. А мог бы приказать и обратное. И исполнили бы, и никто не посмел бы пискнуть. Робер почти физически ощущал вкус власти на языке. Острый, пряный, чуть горчащий и невообразимо пьянящий.

Именно он остаток ночи сортировал бумаги, разыскивая компромат на тех, на кого у него еще ничего не было. И копии отдельных бумаг вручались сейчас дворянам при входе в зал.

А зачем приставлять к горлу нож?

Проще пообещать отнять кошелек или извалить в грязи репутацию. Иногда это ничуть не хуже, но куда как доходчивее. Если уж на то пошло...

Признать-то они могут и из-под палки. Но потом ими еще и править!

Альсин хотел усесться надолго. Навсегда.

Это будет достойная месть Гардвейгу. И следа его в Уэль-

стере не останется, твари!

Аристократы входили, занимали свои места, переглядывались и перешептывались. Потом на возвышение, на котором стоял королевский трон, медленно вышел Робер Альсин.

Под руку он вел женщину в алом и белом.

Королевский пурпур – и белая, как снег, ткань.

И – бриллианты.

На голове Альбиты сияла королевская корона. Запястья, шея, пальцы – все было унизано бриллиантами так, что новогондя елка застыдилась бы своей бедности.

Альбита вознаграждала себя за годы и годы в шкурке загнанной крысы.

И ее узнавали.

Она не сильно изменилась, да и ситуация способствовала. И первым встал маркиз Эшар.

– Ваше величество, позвольте выразить свое почтение.

Первая и самая сообразительная крыса была поощрена благосклонным кивком. Остальным достанется меньше, делайте выводы, господа дворяне.

Альбита медленно уселась на трон и улыбнулась краешками губ. А хотелось заорать в голос, выплескивая свое торжество. Дикое, бешеное, неудержимое, как лава вулкана.

Альдоной, сколько лет она об этом мечтала!

Сколько. Долгих. Лет.

– Я вижу, маркиз, вы узнали меня.

– Да, ваше величество. Позволено ли мне будет узнать... подробности? – маркиз постарался подобрать подходящие слова. А может, и заранее договорился с Альсином, кто знает? Альбита в такое вникать не собиралась, это – мужские игрушки.

– Тогда вы прекрасно понимаете, что происходит. Когда Гардвейг развелся со мной и приказал казнить меня, я была беременна. И родила сына. Моего Генри.

Альбита выдержала паузу, наблюдая за лицами людей.

Шок, понимание, ненависть, злость – ни одного равнодушного лица. Что ж, будет время додавить врагов и поблагодарить союзников, будет...

– Мой сын сейчас с надежными людьми. А я – здесь. И я считаю, что после гибели моего бедного безумного супруга, он достоин занять трон.

Намек был прозрачен, как стекло.

Не убийство – гибель.

Король был безумен, это же понятно.

И вишенка на торте. Старший сын Гардвейга.

А от Гардвейга ли он?

Если у кого-то и возникали такие сомнения, он благоразумно держал их при себе. И поглубже.

– Ваше величество, – вякнул кто-то из толпы, – А когда мы увидим... вашего сына?

Робер прищурился, но болтуна не отследил. А жаль...

Намек был ясен.

Королева, пусть она и трижды бывшая жена короля, править не может. Хоть ты три короны нацепи, из бунтов не вылезем.

А вот ее сын...

Альбита не повела и бровью.

– Мой сын будет здесь в ближайшее время. А пока я надеюсь на вашу лояльность, господа. И хочу предупредить – любого, кто посягнет на его права, я буду карать беспощадно. Мой сын – единственное, что осталось на земле от моего бедного супруга...

– А ваши дочери?

Уже другой голос, из другого конца зала.

– Мои дочери не могут наследовать трон.

– Тогда, ваше величество, – маркиз Эшар был вежлив и даже улыбался, – я надеюсь, в следующий раз нас соберут для признания вашего сына?

– Разумеется, маркиз.

– Ваше величество, а есть ли у вас бумаги...

Альбита поджала губы.

– Маркиз, вы отлично понимаете, что Гардвейг не мог признать моего сына. Если бы я пришла к нему с этой просьбой, если бы он узнал, что я жива... да меня казнили бы на ваших глазах! Какие документы вы хотите видеть? Запись в монастырской книге? Я могу ее предъявить хоть сейчас... любой может съездить и убедиться. Повитуху? Которая принимала у меня роды? Что вы хотите увидеть?

Маркиз неопределенно хмыкнул.

Да, ситуация...

Альсин прищурился. Это было самым скользким местом в их плане. Никто ведь не говорил, что ребенок королевы должен быть от короля. Генри был больше всего похож на Гардвейга, и его можно было предъявить, но...

Сука, чтоб ее Мальдоная разодрала! Трижды сука!

Впрочем, Мэри Уигеллоу плевать было на любые проклятия, главное – сына спасти.

– Мой сын – копия своего отца, – резко сказала Альбита. – моего несчастного полубезумного супруга. И через несколько дней вы все в этом убедитесь. А сейчас я убедительно прошу не допускать беспорядков в городе. И никуда не уезжать. Вам предстоит еще присутствовать на коронации.

Спорить никто не стал. Альбита поднялась с кресла, прошуршала шелками по полу.

– Надеюсь на вашу лояльность, господа. Все свободны.

Альсин подождал, пока зал очистится, и поцеловал Альбите руку.

– Ты была великолепна.

– Пустое... ты не нашел еще эту суку?

– Которую?

– Всех!

Робер невольно фыркнул.

– Пока еще нет, дорогая.

Альбита топнула изящной ножкой. Сверкнули бриллианты на каблучке туфельки.

– Сколько можно ждать?

– Я стараюсь, любовь моя. Я очень стараюсь.

– Сколько у нас еще есть времени?

– Думаю, дня три. На большее их не хватит.

– И?

– Мы успеем.

Робер вовсе не испытывал такой уверенности. Но... выбора нет, придется справляться.

На ночлег пришлось остановиться в чистом поле.

Вирмане совместно с эввирами сноровисто организовали стоянку, женщины занялись ужином, Лиля – неизбежными травмами.

Кто-то подвернул ногу, кто-то натер, про синяки и шишки вообще молчим, царапины – не считаем, а промываем и присыпаем порошком подорожника.

Да хоть бы и так!

Эх, сульфаниламид бы!

Формулу-то стрептоцида Лиля отлично помнила, а вот схему синтеза – нет! К чему она медикам, которые выписывают таблеточки, а не смешивают лекарства в аптеках?

А ведь какое шикарное противомикробное!

Ладно, чего нет – того нет.

И Лиля промывала, прижигала спиртом, бинтовала, и даже не думала возмущаться. И не замечала, как на ее руки поглядывает мастер Сальси.

А потом эввир таки решился. Правда, у Лили спрашивать не стал, атаковал Миранду.

– Ваше сиятельство?

Виконтесса Иртон мило улыбнулась.

– Да, мастер? Я вас слушаю?

– Ваша мать так умело лечит людей...

– Мама все умеет. Она и меня учит.

– Это очень важно, помогать людям, ваше сиятельство, – согласился мастер.

Мири надулась от важности.

– Маму сам Тахир Джиаман дин Дашшар учит! Он замечательный лекарь!

О Тахире слышали и в Уэльстере. Мастер Сальси закивал головой, сказал еще несколько вежливых слов – и отстал. Тайна получила свою разгадку.

С чего графиня взялась учиться лекарскому делу?

Всякое в жизни бывает, не стоит зарекаться. И лучше уметь помочь и себе и людям, чем потом плакаться. Тут мастер ее полностью понимал.

А Лиля тем временем осматривала Милию.

Жаропонижающее она ей скормила, смешала плоды шиповника, липовый цвет, ромашку, подорожник и мать-и-ма-

чеху и залила все кипятком. Чем хороша эта смесь, ее долго настаивать не надо, пятнадцать минут – и вперед. Обтерла королеву спиртом, подумала – и подозвала Берту.

– Маленького пока ее величеству не давать кормить.

– Почему? – Милия была в сознании. Она просто не протестовала, но все до поры.

– Потому что у вас жар и воспаление, – не стала церемониться Лиля. – Потому что я даю вам травы. И потому, что попав в ваше молоко, они могут привести к проблемам с ребенком.

– Какие там от травок-то проблемы? – заворчала Берта. – Всю жизнь пили, и ничего...

– Вы готовы рисковать принцем? Я – нет. Мне вы все нужны живыми и здоровыми, – отчеканила Лиля. – Даже вопреки вашим планам. Я серьезно, настой я буду давать ее величеству каждые два часа, и это отразится на молоке.

Милия вздохнула. Из уголка глаза выскользнула, скатилась на плащ слезинка.

– Мой бедный малыш...

– И вы, ваше величество, будете слушаться, если не хотите лишить его матери.

Берта засопела.

– Ладно. Пойду к этой... кормилице. И где такое видано...

– Выбора у нас нет, вот и видано, – отмахнулась Лиля. – Да и придворных дам рядом не наблюдается, ни одной фрейлины. Нет? И я их не вижу. Будем обходиться эввирами, они

не против.

– Еще бы они против были, – проворчала Берта.

Лиля понимала, что у старухи такой способ общения с миром, и сердиться не собиралась. Но и слушать все это – тоже.

– Сейчас ни нам, ни им выбирать не приходится, все в одной лодке. Так давайте ее не раскачивать.

Берта кивнула и отошла. Но с Риваной заговорила вполне дружески. И та приняла малыша со всей осторожностью.

Эх... все равно теперь животик у малявки разболится. Все же молоко первых дней – и молоко матери, которая уже несколько месяцев кормит ребенка, это две большие разницы. Но есть ли выбор?

Разве что помереть с голода. А этого им Уэльстер не простит.

Робер Альсин проглядел письмо и довольно улыбнулся.

Вот и чудненько.

Крепость Шедар захвачена.

В ней же захвачен и граф Иртон, к сожалению, без принцессы. Завтра, край, послезавтра, его привезут, и хоть с кашей кушайте, ваша светлость.

И что еще надо для счастья?

С утра похороны.

После обеда привезут графа. Так сказать, и убийцу казним, чтобы не бегал слишком долго. А то нехорошо это,

мертвый король есть, а свалить не на кого.

Останется отловить Милию, но Робер и мысли не допускал, что она не в городе. Кардин начали прочесывать частой гребенкой.

Рано или поздно королеву найдут. И дело будет сделано.

Робер довольно улыбнулся и отправился спать. Тоже не железный, пятый десяток идет, если хоть пять часов не поспать, завтра он соображать не будет. А этого никак нельзя.

Робер Альсин спал. И видел во сне свою любимую.

Камилла улыбалась и манила его за собой. И глаза у нее были такие... живые, настоящие, кажется, вложи сейчас руку в ее прохладную ладонь с тонкими белыми пальцами, и иди в любую даль. Хоть куда, хоть за горизонт, хоть к Альдонаю.

Робер едва не ушел с ней. Жаль, что это только сон...

Ах, любимая, теперь ты можешь спать спокойно. И я вижу во сне тебя – живую, а не площадь, не плаху, не ужасающий звук, с которым топор рубит живую плоть, делая ее безвозвратно мертвой...

Теперь ты отомщена.

Королевские похороны – это как?

Это пышно!

Правда, когда есть возможность и время. Тогда это целая процессия, катафалк, кони, гвардейцы, придворные... хлеб

и монеты, которые летят в толпу – вспомнить короля добрым словом.

Это – если есть возможность.

У Альсина таковой не было, не было и желания вообще хоронить Гардвейга. Кинуть бы его, подлеца, собакам, чтобы и косточек не осталось, да нельзя. Мертвого Гардвейга следовало как можно скорее продемонстрировать всем жителям Кардина. С помпой и со всеми полагающимися церемониями. Во избежание самозванцев и «милостью Альдоная спасшегося короля».

Хорошо бы вместе с женой и детьми, но пока все было бесполезно.

Отряд наемников перерывал город, но Милия и принцы как в воздухе растворились. И принцесса Мария тоже.

Ничего, допросим графа Иртона, глядишь, и что прояснится. Вот привезут его из Шедара...

Впрочем, этих Альсин не ждал раньше вечера, а то и завтрашнего дня. Пока суд да дело...

После боя надо перевязать раны, поесть, отдохнуть, и только потом, не спеша, наемники поедут обратно в Кардин. А приказывать немедленно привезти Иртона...

Смысла нет.

Часом больше, часом меньше, Альсин и так не знал, за что хвататься.

Похороны организовать, приказы отдать, с людьми поговорить – хорошо хоть двор взяла на себя Альбита. Как долж-

на вести себя королева, она отлично помнила, и уже с утра отдавала приказы слугам и придворным.

Пусть хоть что-то сделает...

Пришел Эдвин Фремонт, отчитаться за свои провалы. А это были именно провалы.

Посольство Ативерны пусто. Посольство Ивернеи – тоже. Найти не удалось даже слуг. Эдвин знал многих в лицо, но эти сволочи как сквозь землю провалились. И то, Кардин – большой город, обыскивать дом за домом, подвал за подвалом, а есть еще и потайные комнаты, и катакомбы... да много чего есть!

Бесполезно.

Искали людей, лошадей, собак... в городе никого не было. Или они спрятались так, что найти их не представлялось возможным.

Альсин на барона, конечно, наорал и приказал искать дальше, но мысль засела в голове не хуже, чем гвоздь в дубовой доске.

А если королевы уже нет в городе?

Если ей удалось сбежать?

Тогда... а вот и не зря! Все было не зря, это он точно знает!

Гардвейг сдох! Это уже искупает все его старания! А в остальном... поборемся! Сдаваться Робер не собирался. Ни на минуту.

Томас Конкор довольно потрепал Лидарха по глянцевой черной шее.

Где надо прятать лист?

В лесу!

Лошадь?

На конюшне.

Аварца?

Да среди других аварцев, вот и все.

Чтобы в таком городе, как Кардин, не было ханганов? И были, и про графиню Иртон слышали, и про Тахира дин Дашшара.

Чтобы купец да не собирал новости? Информация – такой же товар, как шелк и пряности, а то и еще ценнее. Ханганы знали про шум во дворце, не знали только, в чем дело. А информация – она всегда ценна для купцов, и не только для них.

Томас поделился сведениями, а с ним за это поделились безопасностью.

Дальше все было достаточно просто, только очень муторно. Лидарха перекрасили в черный цвет и поставили среди других лошадей. Томаса тоже перекрасили. Какая-то краска для кожи и волос, обещали, что смывается.

Томас только рукой махнул.

Тюрбан, ханганская одежда – и он неузнаваем. И не только он один, дам Дишан, кстати говоря, спрятали среди других

ханганских женщин. Их точно показать не попросят, смертельное оскорбление. А виконт Дишан, чтобы не попасться никому на глаза, держался подальше от ханганского посольства. И правильно делал.

Барон Фремонт по приказу Альсина обшаривал город, заглянул и к ханганам, но ясное дело, ничего от них не узнал. Хотя был обласкан, напоен чаем, и настойчиво приглашаем в гости. Хоть завтра. И послезавтра тоже можно, и вообще – каждый день заходи. Чай будет, халва будет, мы тебе всегда рады.

Эдвин ушел умиротворенный, но – без результата. А Томас прекрасно узнал Эдвина Фремонта, и возблагодарил аристократическую спесь. Барон на слугу даже и не посмотрел, много тут таких, темнокожих. Это не Лилиан Иртон. Вот та всегда смотрела людям в глаза, и прекрасно всех помнила. Она бы Томаса в любом гриме узнала.

А остальные благородные, даже ее супруг, смотрели поверх голов. Свысока отдавали приказы, старались не прикасаться к слугам... слуга ведь не человек, а вроде как предмет мебели... Фремонт не был исключением. Ладно еще – воины, тех он мог запомнить. Но обозники?

Пфу!

Томасу оставалось лишний раз помолиться Альдонаю и порадоваться.

Вовремя удрали.

Осталось еще потихоньку из города выбраться. Но это –

дайте время. Сейчас на воротах все смотрят в шесть глаз, а вот чуть позднее расслабятся, успокоятся, можно будет и уехать. И... если никого другого не останется, рассказать все королю.

Что-то с господами?

Томас искренне надеялся, что господа уцелели. Записку же ему прислали...

Но на Альдоная надейся, а сам не плошай. Так что – ждем. Большого Томас сделать все равно не мог. Только ждать.

Когда впереди замаячил Летний дворец, Лиля едва не разрыдалась от счастья.

Альдонай, Христос, Аллах, да хоть кто! Спасибо вам!

СПАСИБО!!!

Летний дворец в чем-то был не хуже Версаля. Громадный садово-парковый комплекс, раскинувшийся малым не на десяти квадратных километрах. К счастью, неогороженных...

Лилия махнула рукой на все дорожки и приказала ехать как можно короче. И конечно, не прошло и десяти минут, как на них наткнулись гвардейцы.

– Кто такие?

Двое симпатичных парней верхом на лошадях выглядели воинственными и грозными. Топорщились усы, гарцевали кони, сверкало оружие и бляхи на сбруе... Лилия коснулась руки Милии.

– Форма – та?

Милия вздрогнула. Пригляделась.

– Да... это панцирники.

– Отлично. Эй, лэйры, будьте любезны обратить на меня внимание.

Лиля кое-как спрыгнула с телеги. Тело затекло, мышцы болели. Гвардейцы тронули коней к графине, Гэл шагнул вперед, чтобы заслонить ее, но наткнулся на повелительный отстраняющий жест.

– Не надо.

Блеснули изумруды на запястье и на пальцах.

Лиля щедро отдавала то, что купила или заказала сама.

Ширпотреб, как она это называла.

А вот фамильные украшения она бы отдала только при опасности для жизни. Это – не ее. Это для ее потомков, связь поколений...

Так что осталось на пальцах графини кольцо с изумрудом, фамильное, графское, оставался браслет графов Иртон, тоже старинный, родовой, с изумрудами. И к ним прикипели взгляды лэйров.

Украшения были настоящими. И платье хоть и грязным, рваным, потрепанным, запачканным кровью и продранном в нескольких местах, некогда было новую одежду искать, но дорогим.

– Госпожа...?

– Ее сиятельство графиня Иртон, – просто ответила Ли-

ля. – В столице бунт. Граф Шантен – здесь?

Парни переглянулись. Забавно было смотреть, как с лиц сползала самоуверенность, уступая место растерянности и недоумению.

Бунт?

Страшное слово в любые времена.

– Да, ваше сиятельство.

– Проводите нас к нему.

– Вас? Простите, ваше сиятельство...

Лиля покачала головой.

– Вы не понимаете, лэйры. А я сейчас не имею права открыться вам. Если хотите – я поеду к графу с одним из вас, а второй проводит моих спутников до дворца. Но это надо сделать без промедления.

И столько металла звучало в голове графини...

Лэйры переглянулись. И без слов поняли друг друга. Если что-то не так... вот пусть эта девка сама и отчитывается перед Шантеном. Который скор на расправу, гневлив и не склонен долго прислушиваться к оправданиям.

– Прошу вас, ваше сиятельство.

– Лэйр... – Лиля не торопилась взяться за протянутую руку.

– Лэйр Ильс.

– А ваш спутник?

– Лэйр Эраль.

– Я не забуду ваших имен, лэйры. Прошу у вас буквально

минуту.

Лиля вернулась к телеге с королевой. Милия вся была горячая, как печка. Глаза она приоткрыла, и Лиле улыбнулась, но...

– Голову поднять – и то сил нет.

– Милли, держись. Я поскачу вперед, чтобы нас встретили. Ясно?

– Да.

Берта утерла очередную слезинку. Лиля цыкнула на няньку, благо, детьми сейчас в меру сил и разумения занималась Мири, пересказывая Эдвину и Кору истории про Маугли, а малыш был на руках у кормилицы.

– Цыц. Выживет она, поняла?

– О-ох...

– Распусти мне еще сопли! Изволь ее до дворца еще раз напоить, и компресс на голове поменяй. Поняла?

– Да, госпожа.

– Вот и действуй, – смягчилась Лиля. – Мири, смотри за собаками. Ляля, Нанук, охранять!

И в два уверенных шага оказалась рядом с лэйром Ильсом.

– Едем. Как можно скорее.

Ногу в стремя, подтянуться – и в седло, позади мужчины. Обхватить покрепче за пояс.

– НУ!

Конь оказался понятливее хозяина и сорвался в галоп, не

дожидаясь шпор.

– Лэйр Эраль...

Тихий голос из телеги привлек внимание мужчины. Эв-виры и вирмане расступились, освобождая ему проход, Мирри цыкнула на заворчавшую Лялю, мужчина чуть тронул коня... и остолбенел.

Королеву он знал в лицо, доводилось видеть.

– Ва... ва... ва...

– Ваше величество, – неловко попробовал разрядить обстановку мастер Сальси, – лэйр хочет сказать, что не ожидал встречи.

Лэйр кое-как проморгался.

– Ваше величество!!!

– Да, лэйр. Это я. Прошу проводить нас к дворцу как можно быстрее.

– А... э... слушаюсь, ваше величество!

И процессия тронулась с места.

Вирмане переглянулись.

Им не по душе было отпускать госпожу одну, но... Иногда просто нет выбора. И ей не должно здесь ничего угрожать, правда ведь?

А если и угрожает... это еще надо разобраться, кто и кому. В графиню они верили безоговорочно. Ее сиятельство и не таких построит. Она может.

К моменту, когда взмыленная лошадь доскакала до двorca, Лиля себя чувствовала не лучшим образом. Сидеть у ко-го-то за спиной?

Знаете, это хорошо, если едва плетешься медленным ша-гом. А если в галоп, да с места...

Основные силы уходят на то, чтобы удержаться. Не съе-хать назад, не шлепнуться, не сползти вбок...

Болят ноги, болят руки... попа?

Нет, та – не болит, та уже умерла.

Лиля с трудом сползла с коня и едва не опошшила кусты роз. Хорошо с утра ничего не ела, а то быть бы им удобрен-ными. Кое-как удержалась.

Встряхнулась...

– Вода есть?

– Что здесь происходит?!

О, а вот это вполне начальственный рык. Лиля мигом углядела и роскошную форму, и кольцо и браслет с изумру-дами, и даже серьгу с изумрудом в одном уже у командира. И шагнула вперед, пред очи мужчины лет шестидесяти.

– Вы – граф Шантен?

Граф настолько ошалел от ее наглости, что вполне мирно кивнул.

– Отлично. Мое имя – Лилиан Элизабетта Мариэла Ир-тон. По мужу я графиня Иртон. Не знаю, что вы обо мне

слышали, но нам надо немедленно поговорить.

Граф если и слышал, то немного, потому что на Лилиан посмотрел с явным сомнением.

– Его величество не говорил мне...

– Его величество мертв.

Лиля решила не тратить время на нежности. Милия скоро будет здесь, ей позарез нужна помощь, и не только... да прорва всего нужна.

А она тут будет нежничать с капитаном «королевских мушкетеров». Ага, нашли нежное и трепетное создание. Авось, в обморок не упадет, а и упадет...

Розарий – лучше всякого нашатыря, мертвый – и тот вскочит.

– ЧТО?!

Граф Шантен мертвенно побледнел, не спрыгнул, а почти сполз с лошади. Подошел к Лилиан, но сгрести ее за воротник не удалось. Женщина сместилась на шаг в сторону.

– Это не тема для обсуждения на людях, граф. Надеюсь, вы не боитесь со мной уединиться?

Граф весь аж побагровел.

– Я... да я...

– Вот и отлично. Идите сюда, граф.

Лиля подхватила его под руку и потащила к кустам роз. Смерила взглядом расстояние до конников и добавила еще шесть шагов. Вот так, теперь точно не услышат, если она орать не будет. А граф...

Ничего, побольше поорет, поменьше пописает.

– Вам известно, что принцесса Мария выходит замуж в Ативерну? Что граф Иртон назначен главой посольства и полномочным представителем жениха?

– Иртон... точно! Да, я в курсе... ваше сиятельство.

Лиля довольно улыбнулась. Понятное дело, пока ты сомневаешься. Не приходилось тебе видеть таких графинь. И графинь в таком виде – тоже. Ну и пусть, сейчас поймешь и поверишь.

– Я приехала с мужем и дочерью. Не знаю, что говорил обо мне его величество, но я имела честь узнать короля, когда он был в Ативерне.

Судя по сальному взгляду графа – не говорил. Хотя что нормальный мужчина может подумать, если Гардвейг греб все, что шевелится? А что не шевелится – толкал и тоже греб.

– Я – ученица Тахира Джиамана дин Дашшара. И присутствовала, когда он лечил язву на ноге его величества.

Вот об этом граф явно знал.

– Это были вы, ваше сиятельство?

– Я. Мой учитель приехать не смог, поэтому его величество попросил меня о приватной консультации. И привел к королеве.

Этого граф точно не ожидал.

– К королеве?

– Нога у него практически зажила, а вот у ее величества тяжелая третья беременность.

Граф кивнул, теряя связь с реальностью. Ничего, не ты первый, дружище, вон, Джерисон Иртон до сих пор иногда сомневается, на каком он свете оказался.

– Допустим...

– Когда я была у королевы, на нас напали. Его величество ценой своей жизни дал нам время сбежать.

– Но его смерть вы не видели?

Лиля покачала головой.

– Нет. Но уцелеть он не мог, их там было человек двадцать, и новые подходили. Не представляю, что бы с нами сделали... из детской есть потайной ход. По нему мы и ушли.

– Вы?

– Мы. Ее величество, дети, я и нянька.

– И где они?

Лиля прищурилась.

– Думаю, скоро будут. Ее величество недавно родила, ее нельзя перевозить верхом, а телега по вашим роскошностям еще пока доберется...

– Родила?

Графа окончательно заклинило. Лиля махнула рукой.

– Смерть мужа, побег... слава Альдонаю, нас впустил в свой дом один добрый человек, не то родила бы королева на помойке.

Шантена заклинило окончательно, и наружу прорывались какие-то крайне сомнительные звуки.

– А... э...

– Она жива, ваше сиятельство, просто у нее жар. Вы ее в лицо знаете?

– Да.

– Хотите – езжайте встречать.

– А...

– А слугам отдайте распоряжение, чтобы они меня слушались. Надо срочно готовить комнаты для королевы, да и гостями заняться не мешало бы.

– К-какими гостями?

– Граф, я, конечно, потрясающая женщина, – «скромно» улыбнулась Лиля. – Но вы же не думаете, что я могла в ночном городе раздобыть телегу, вывезти ее величество, самостоятельно добраться сюда... ладно. Я бы смогла, но не пришлось. Слава Альдонаю, у меня есть друзья.

Граф замотал головой так, что даже кусты роз шарахнулись.

– Ваше сиятельство.... Я поеду. Но если...

– Если я наврала – можете меня под этими розами и закопать.

Лиля была настолько спокойна, что граф Шантен поверил. И по Летнему дворцу разнесся рев.

Граф приказывал срочно коня, слугам – повиноваться графине Иртон, гвардейцам – собрать всех во дворе, а ты, ты и ты – за мной.

Хорошо хоть лэйра Ильса прихватил, а то так и носился бы по окрестностям, не зная, куда ехать.

Лиля проводила его взглядом, посмотрела на ошарашенных гвардейцев, на слуг, которые держались поодаль и испуганно переглядывались, понимая, что это – не к добру, – и решительно уперла руки в бока.

Ну, держитесь, крокодильчики! Сейчас я всех построю!

Лиля решительным шагом направилась к слугам.

– Кто тут главный?

– Я, ва...ше сиятельство.

Отозвался ей мужчина лет сорока пяти, осанистый, с заметным животиком и в богато украшенной золотом ливрее.

Лиля кивнула.

– Имя?

– Лэйр Тивет Ольсен.

– Отлично, лэйр. Графиня Иртон. Идемте, нам надо срочно приготовить все для визита ее величества и принцев.

– Но...

Бедолага аж взметался от такого заявления.

– Спокойствие, лэйр. Покои еще не готовы?

– Готовы королевские покои и смежные. Но их не так много...

– Ничего страшного. Нас тоже немного. Значит так. В королевские покои заселяете ее величество с нянькой и детьми. Если будет тесно...

– Это Королевские покои!

– Сколько там комнат?

– Восемнадцать!

– Тесно не будет. Значит так, тогда ее величество с детьми и нянькой в королевские покои, а для меня и моей дочери выделите в них одну комнату. Я неплохо разбираюсь в лекарском деле, так что... это возможно?

– Там есть комната для прислуги.

– Подойдет.

– Но ваше сиятельство!

– Лэйр, сейчас не до церемоний. Граф потом все объяснит. Поэтому срочно отдайте приказание. Мне нужна будет горячая вода, много. И лохань.

– В королевских покоях прекрасная ванная комната!

– Ее величеству нельзя сейчас принимать ванну. Только ополоснуться сверху, лэйр. И детей хорошо бы вымыть. И приготовить поесть – без изысков – на тридцать человек. Плюс-минус.

– Н-но...

– Лэйр, поверьте, я не шучу. Все более чем серьезно.

Лэйр только горестно вздохнул – и принялся отдавать приказы. Если что – все равно ответственность ляжет на Шантена. Вспугнутыми зайчиками заметались слуги. Лиля выдохнула – и невольно оперлась на собеседника.

Повело.

На миг голова закружилась и в глазах потемнело.

Она. В. Безопасности.

Миранда. В. Безопасности.

Не до конца, понятно, но насколько ж себя увереннее чув-

ствуешь не в чистом поле на телеге, а во дворце, под защитой примерно тысячи человек.

– Все в порядке, лэйр. Обмороков не будет, обещаю. И... есть у вас что-то из лекарств? Или хотя бы докторус?

– Да, ваше сиятельство.

– Срочно в королевские покои.

Лиля не сомневалась, что разберется с болезнью Милии и сама. Но... от греха. Все должно быть максимально прозрачно. И на виду.

Граф Шантен до конца не поверил этой безумной, но...
Безумной ли?

Ее глаза, лицо, осанка, украшения... да что он – сумасшедших не видел ни разу? Они такими не бывают. Но и принять вот ЭТО?

Такое тоже в уме сразу не отложится.

Ильс уверенно держался на полкорпуса впереди, показывая направление. На хороших-то конях это не расстояние, и вскоре показался странный караван. Несколько телег, от которых воняло так, что мухи на подлете дохли, люди, лошади, собаки....

Больше всего это походило на караван бродяг, коих любой приличный человек должен палкой со своей земли выгнать. Но....

Эраль уверенно держался рядом с одной из телег. И вы-

глядел так...

Шантен даже слова-то такого не подобрал бы. Как будто ему небо на голову упало. А ведь воин не из последних, что с ним должны такого сделать, чтобы его так переклинило?

Шантену оставалось лишь пришпорить коня. Доедет – узнает.

Не тут-то было.

Словно две серых молнии, метнулись две здоровущих собаки, загородили дорогу, оцетинились... Вирманские псы?

Откуда?

– Ляля, Нанук! Назад! Свой!

Команду отдала девчонка лет десяти, сидящая в телеге. Собаки прижали уши, рыкнули для порядка, но пропустили.

Одного Шантена.

В телеге...

Граф не мог ошибиться. Он отлично знал в лицо ее величество. И это была она. Но в каком виде!

Завернутая в какое-то тряпье, с двумя детьми рядом, и третьим у груди, с нянькой, которую Шантен тоже знал в лицо...

Вся осунувшаяся, с красными пятнами на запавших щеках, едва живая...

Живая!

Это – главное.

– Ваше величество!

Милия медленно открыла глаза, и по щекам ее сбежали

две слезинки.

– Граф... мы добрались. Лиля обещала...

Лиля?

Лилиан Иртон...

Она не лгала.

– Ваше величество, вы в безопасности. Клянусь честью...

Милия едва шевелила губами.

– Лиля все рассказала?

– О короле, о вашем бегстве, родах...

– Да. Мой младший сын – его высочество Гардвейг.

Граф прикусил губу.

Кажется, он должен этой странной графине. Ладно, подумаем, сочтемся.

– Ваше величество, лежите и ни о чем не беспокойтесь. Я улажу все ваши проблемы.

Милия закрыла глаза и кажется, потеряла сознание. Берта посмотрела на графа так, что Шантен подъехал вплотную и протянул женщине руку. Явно посекретничать хочет.

Хоть и старуха, а на коня Берта перебралась быстро.

– Графиня все рассказала? Распорядилась?

– Да. Я слугам приказал – послушаются.

– Слава Альдонаю.

– Берта, что там было?

– Графиня не рассказала?

– Да я сюда, как во сне ехал! Думаешь, легко в такое поверить?

Берта только вздохнула.

И принялась рассказывать то, что совпадало с рассказом Лилиан Иртон. Разве что подробнее. И что случилось с королем, она тоже не видела. Но графиню хвалила через каждое слово.

Граф молча слушал и проникался. А ведь и верно – спасла.

С него причитается?

Да тут со всего Уэльстера причитается, не расплатимся!

В Летнем дворце графа ждал сюрприз.

Письмо. Запечатанное лично его величества печатью, в котором предписывалось графу оставаться на месте и не верить никаким глупым слухам. Гардвейг-де приедет и лично разберется.

Граф сохранил письмо и отправился в королевские покои. Туда уже со всем почтением перенесли на носилках королеву, и сейчас Лилиан Иртон ловко раздевала ее, орудуя ножницами и попросту срезая то, что осталось от некогда роскошного платья.

Милия не возражала.

Рядом вертелся докторус Илейв.

Придворного докторуса Гардвейг сюда не отправил, но чтобы в полку своей «пиявки» не было?

Смеяться изволите?

Вот его-то и позвал Шантен.

– Что с королевой?

– Весьма слаба после родов. Графиня уверяет, что жар начался в результате путешествия, якобы это бесполезно, но другого выбора не было. Опять же, кровопотеря...

– Что вы считаете?

Докторус пожал плечами.

– Коллегу я всегда узнаю. Кто бы графиню Иртон не учил, руки у нее... правильные. Хорошие руки.

Мнению Илейва Шантен доверял. Но докторус привык иметь дело с ранами у гвардейцев, а тут благородная дама... так что граф счел за лучшее еще раз уточнить.

– Не навредит?

– Зазнайка, конечно, но думаю, все будет в порядке.

– Зазнайка?

– Заставила меня почти раздеться, и сапоги снять, сказала, грязи нанесу к матери и ребенку...

Только тут граф обратил внимание, что докторус был полураздет. Штаны остались, но камзол исчез, исчез и парик, напудренный по последней моде. Да и сама графиня была в чем-то...

Больше всего это походило на ночную рубашку служанки, под которую она и заправила волосы. Зато – чистую.

Шантен только рукой махнул.

Безумие?

Ничего, будем считать, что мир сошел с ума. Ничего

страшного, бывает...

– Ничего страшного, докторус. Помогите королеве, хорошо?

– Разумеется, ваше сиятельство. Это мой долг.

– И прошу передать графине, что я надеюсь на ее внимание – чуть позднее?

– Конечно, ваше сиятельство. Да, графиня просила поискать кормилицу для малыша, лучше чистую и без болезней. Вдруг одной не хватит?

– Сделаю.

Кормилицу. И где ее искать? В деревне?

Вот в этой области познания графа Шантена уверенно стремились к нулю. И командир сделал так, как полагается. Вызвал заместителя и отдал ему приказ. Тот умчался, озадаченный, а пока граф решил расспросить остальных.

Не вышло.

После путешествия в мусорных телегах, мылись все. Дружно, заставив кухонный народ и лакеев сбиться с ног. Поди-ка, натащи горячей воды?

Разместили людей ее величества неподалеку от ее покоев, мало ли что.

Правда, на королевских солдат они были вовсе не похожи. Вирмане, эввиры, женщины, дети...

Шантену было плевать!

Да хоть бы лично Мальдоная, он и той бы руку поцеловал. Графиня Иртон совершила чудо, ее друзья помогли ей... а

кто они?

Дворяне, это и так ясно.

Быдло на благородные поступки не способно, значит, эти люди все – дворяне. Шантен и не сомневался, что королева это закрепит документально, дайте только выздороветь.

Наконец, он дождался графиню Иртон и попробовал спросить.

Увы, знала о происходящем в городе Лиля крайне мало.

Что Гардвейг погиб – догадывалась.

Что в городе наемники – тоже.

А вот кто все это затеял, с какой целью...

Хрен его маму знает! У Лилиан не было времени на разведку, свою бы шкуру унести. И граф не мог ее в этом винить. Спасала-то она не только свою жизнь и своих близких, уж насколько бы легче ей было без рожаящей на ее руках женщины, без маленьких детей, без старой ворчливой служанки, без тех же эввиров – Лилиан Иртон никого не бросила в охваченной безумием столице.

Ушла сама и увела с собой всех, кто попался под руку, не разбирая, кто там достоин, кто недостоин помощи... сначала поможет, а потом разбираться будет.

И уже за это графиня заслуживала уважения.

А разведку проведем, надо ж знать, с кого шкуру драть полосочками. Это граф и объяснял довольной Лилиан, когда его потревожили еще раз.

Пришло еще одно письмо. Голубиная почта, без личной

печати короля, из крепости Шедар.

Зато на письме стоял оттиск кольца принцессы.

Уж такие-то вещи Шантен должен был знать. И не стал он разводить секретов от графини Иртон, чего уж там. А вместо этого вскрыл записочку.

Лиля внимательно наблюдала за графом. И когда его лицо осветилось улыбкой...

Она даже удивилась.

Вроде как не время улыбаться?

Однако...

– Это лэйр Эрт Ольсен, ваше сиятельство.

Лиля напрягла память, благо, зубрила имена перед поездкой, да и это, конкретное, ей уже встречалось. Память, в которую был загружен не один том анатомии, физиологии, патологии, фармакологии и прочих медицинских премудростей, не посчитала это даже за сложность – подумаешь! И легко выдала ответ.

– Комендант крепости Шедар?

– Да, ваше сиятельство.

– Хорошие новости?

– В сложившихся обстоятельствах – да. У них ее высочество Мария. И они собираются в город.

– Какие у них силы?

– Человек триста будет.

Лиля покачала головой.

– Думаю, они не справятся. Мятеж не поднимается таким ничтожным числом – и его вряд ли можно так легко подавить. Если бы я была заговорщиком, я бы побольше народа собрала, намного больше.

Здесь графиня была права. Но...

– Так я поддержу. Сейчас и отпишу, что с двух сторон ударим, аккуратно порвем подонков! Простите, ваше сиятельство...

– За правду не извиняются, – буркнула Лиля. И поняла...

– Про королеву не напишете?

– Мало ли что. Кому еще письмо попадетсЯ...

Спорить было сложно. Действительно, мало ли кто, мало ли как, а они тут останутся... останутся – как?

– Сколько человек вы оставите для охраны ее величества?

– Сотню.

Женщина кивнула.

Сто гвардейцев. Элитная боеспособная часть. И понятно, что шушеру Шантен не оставит, будут те, на кого он полностью рассчитывает.. по нынешним временам это не просто много – это очень много.

Сто солдат.

И защитить, и прикрыть, и продержаться...

– Спасибо. Так будет спокойнее.

– Графиня, это мы вас благодарить должны.

Лиля только рукой махнула. Не до чинов, и не до благо-

дарностей... еще сто раз умереть успеем, а не умрем, так сквитаемся.

– Мои люди останутся при мне?

– Разумеется, ваше сиятельство, – кивнул Шантен. И все же не удержался, как ни корил себя. Но докторус... и тысячу лет тому назад, и три тысячи лет спустя люди будут спрашивать в медиков одно и то же. – Вы... вы уверены, что ее величество выживет?

Лиля вздохнула.

– Должна. Я все сделаю, чтобы выжила...

Полноценной уверенности в ее голосе не было, и граф отлично понимал, почему. Все же такое пережить... тут бы и мужчина покрепче сломался, не то, что королева. А как душевное состояние влияет на выздоровление – тут опытный вояка сам мог бы не одну историю рассказать, и заткнуть за пояс любого докторуса.

– Я на вас очень рассчитываю, графиня.

Лиля тряхнула головой. Рассчитывает он...

И так же, даже тысячи лет спустя, медики будут бояться давать гарантии выздоровления. Не потому, что им плевать на душевное равновесие родных. Им просто страшно сгладить.

– Я уже сказала.

– Тогда пойду писать Ольсену, да и солдат надо собирать.

Лиля задумалась ненадолго.

– Граф, вы ведь раньше вечера не выступите?

– Да.

– Наверняка при вас есть шпионы... я сейчас говорю о том, что заговорщики обязаны были обзавестись своими людьми у вас в полку. Вряд ли их много, один-два, и вряд ли это близкие к вам люди, но наверняка они есть.

Шантен в этом тоже не сомневался. Если уж во дворце расцвело такое подлое предательство, чего ему скромничать? Но как их вычислить?

Шантен честно признавался себе, что он – не сможет найти предателя. Это не его дело. С другой стороны, кто ему мешает спросить? Даже если графиня и предложит какую-то чушь, никто ведь не заставляет воплощать ее в жизнь. А человеку приятно.

Это называется «дипломатия».

– У вас есть какие-то идеи, графиня?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.